Сумеречный мир

Автор:
Ольга Гусейнова

Сумеречный мир

Ольга Вадимовна Гусейнова

Другие миры (АСТ)

Вы выигрывали в Лотерею?

А что если наградой за победу окажется не приз, а предписание отправиться за пугающую преграду, которая когда-то разделила твой мир напополам? И там тебя ждут не обычные люди, а «добрые» сверхсущества: оборотни, вампиры, маги…

И поехали: теперь у тебя новая сущность, новая работа и новый шеф… а может, любимый мужчина?

И в этой Лотерее я все-таки вытащила свой счастливый билет.

Ольга Гусейнова

Сумеречный мир

© О. Гусейнова, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

В тот день, ставший Судным, ничто не предвещало беды. Жизнь шла своим чередом, люди работали и отдыхали, влюблялись и расставались, ссорились и мирились, не подозревая о предстоящей катастрофе. Но внезапно мир содрогнулся от удара упавшего на Землю огромного небесного тела. В результате невероятного по мощи и силе взрыва, взрывной волной, огненным ураганом распространившейся от эпицентра, солнце затмила серая мгла из смрадного дыма пожарищ и пыли. На многие-многие километры вокруг все живое и не живое обратилось в прах, но тем, кому удалось выжить, все равно не повезло.

Мгла под действием природных сил постепенно рассеялась; люди смогли наконец вздохнуть с облегчением, выбираясь из убежищ, но они еще не знали, что в мире, пострадавшем от чудовищного взрыва, появились ее не менее чудовищные порождения. Первыми стали кровососы – существа, наделенные нечеловеческой силой, которые, словно обезумев от темной жажды, нападали на людей, жестоко убивали и пили кровь своих жертв. Их назвали вампирами. Пока человечество, напуганное кровавыми расправами, пыталось дать отпор этой нечисти, пошли слухи о новой напасти.

На Серых землях – территории, получившей свое название из-за слоя пепла, оставшегося на поверхности материка после взрыва, – появились некие полулюди-перевертыши. Они тоже нападали на людей и пожирали, подобно плотоядным зверям, при этом принимая их облик и утрачивая человеческий. Их назвали оборотнями.

С каждым годом люди дальше и дальше уходили от Серых земель, спасаясь от кровопийц и перевертышей, но странности и проблемы множились. В семьях обычных людей начали рождаться дети, отмеченные Мглой. Кто-то из них по достижении половой зрелости погибал в страшных муках, не в силах справиться с проклятьем, которое неожиданно проявлялось в них. Кто-то сходил с ума от вседозволенности, злобы и ненависти к более слабым, «бездарным», научившись управлять природными стихиями. А кто-то тщательно прятал открывшиеся у себя нетипичные способности, чтобы не стать изгоем в обществе «нормальных», уродцем, замыкаясь в себе и пестуя обиды и ненависть к окружающим. Их назвали серыми или магами.

Еще появились те, кого магами можно было считать с большой натяжкой, но в них сиял Свет. Такие люди становились целителями, которых за благие дела возносили в святые. Со временем их назвали светлыми.

Спустя столетие после Судного дня на Земле проживало множество различных порождений Серой Мглы, распространявшихся от центра того грандиозного взрыва. Увы, люди не сразу обнаружили воздействие Мглы. Следующее столетие ознаменовалось войной Великой Инквизиции против Иных, как с чьей-то легкой руки прозвали в народе мутантов. В стародавние страшные времена погибло столь много невинных, что отголоски тех суровых и страшных лет до сих пор вызывают трепет у обывателей. Тогда людей уничтожали и нечисть, фанатики-инквизиторы.

Лишь еще через три кровавых века начались коренные изменения. Потомками светлых был тайно созван Великий совет, где представители всех стран решили: необходимо создать защиту от опаснейших мутантов. За три года набрали необходимое для задуманного дела количество светлых магов, которые отдали свою жизнь за благополучие людей. Тысячи светлых душ, отданные добровольно, создали преграду или Стену, как ее нарекли, которая разделила мир на две части: большую – Светлую и малую – Серую.

С тех пор каждый год светлым приходилось приносить добровольные жертвы, чтобы подпитывать защитный контур, который мерцал на солнце, переливаясь, устремляясь в небо. Долгое время никто не знал, насколько она высока, пока человек не смог оторваться от Земли на железных крыльях. Только тогда выяснилось, что Стена выгнулась и образовала гигантский купол, внутри которого на Серых землях сформировался новый мир. Его назвали Сумеречным.

Пока люди, получив возможность жить относительно спокойно, развиваясь в техническом, научном и гуманитарном направлениях, забывали о море пролитой крови, мутанты долгое время адаптировались к новым условиям, приспосабливались, чтобы выжить. Охотились друг на друга, учились сосуществовать, выстраивая собственную иерархию и принимая правила жизни. Естественно, что в таких условиях их развитие шло гораздо медленнее и в большей степени в магическом направлении, нежели техногенном.

Иногда сквозь Стену жители обеих сторон могли наблюдать за изменениями друг у друга, но души, заключенные в Стене, спешно закрывали прозрачные участки, препятствуя любому общению и контактам. Что двигало ими, никто не

ведал. Соприкосновение двух новых миров заканчивалось у купола, куда каждый год приходили новые защитники светлого мира.

А Сумеречный жил суровой, отчасти архаичной, но практичной жизнью. Два мира мало знали друг о друге, изредка получая новости от тех, кто, проходя сквозь Стену, все-таки выживал, отвоевывая свою душу у призраков.

Глава 1

Восемьсот третий год от Судного дня

Притихший вечерний город: шорох шагов редких пешеходов, шелест ветра, монотонный отдаленный гул проезжающих по дороге автомобилей, периодически нарушаемый раздраженными гудками и воем сирены скорой помощи, – все как всегда. К ежедневному фону так привыкаешь, что перестаешь различать, прислушиваться.

Весна в этом году была ранняя. Снег растаял еще в марте, апрель выдался дождливым, но теплым. Поэтому я неспешно возвращалась домой по аллее парка, наслаждаясь погодой, покоем и, как ни странно, – одиночеством.

Решение незаметно уйти с дня рождения бывшего одноклассника едва ли не через час после начала было спонтанным, но верным. Праздник набирал обороты, а я порядком устала от людей из-за выдавшейся слишком бурной рабочей недели. Проверка деятельности предприятия, где я работаю, инициированная конкурентами, заставила понервничать коллег, а мне принесла бессонницу и головную боль. К счастью, вчера все завершилось вполне благополучно.

Свет фонарей отражался в лужах, оставленных недавним дождем. Хоть мои парадно-выходные замшевые лодочки на шпильке не годятся для подобных прогулок, меня в данный момент это не особенно беспокоило. На душе царило загадочное умиротворение и странное предвкушение чего-то хорошего, удивительного…

Неуклюже перепрыгнув лужу, забрызгав ноги в светлых чулках в тон костюму из тончайшей шерсти абрикосового цвета – плиссированная юбка и приталенный жакет, украшенный брошью под воротничком, – я присела, чтобы привести себя в порядок. Благо рядом стояла высушенная ласковым ветерком скамейка. Аккуратно расправив подол, устроилась отдохнуть, вытянув ноги и откинувшись на спинку, сумочку положила рядом. Эх, хорошо!

За неимением более интересного объекта внимания, я невольно загляделась на местную достопримечательность – Великую Стену, давным-давно разделившую два мира, получившую расхожее название – Купол. Тем более, в данный момент часть его, что изредка случалось в каком-либо сегменте, стала прозрачной, только на поверхности словно бы всплывали белесые отражения лиц тех, кто отдал душу, защищая Свет, став призраками. Когда я проходила по парку, мне всегда казалось, что сущности, населявшие и поддерживавшие Стену, следили за мной, даже иной раз заставляя нервничать и спешно уходить отсюда.

Еще лет сто назад ближайшее поселение располагалось в нескольких километрах от купола, но города постоянно разрастались и наконец подступили непосредственно к нему. Люди ограничивались тем, что оставляли между домами и магической преградой парки – все-таки Сумеречный мир столетиями сеял страх и временами наводил ужас, из-за чего вряд ли кому-то захочется поселиться в непосредственной близости. А вот пройтись мимо – почему бы и нет, да еще что-то подсмотреть в случавшихся, видимо, по недосмотру светлых душ, «просветах» в иной мир.

Не без любопытства я наблюдала в открывшемся «окне» за происходящим на той стороне, где тоже смеркалось, но из-за купола, накрывшего Сумеречный подобно облаку, темнота казалась гуще, таинственнее и мрачнее. Представший передо мной городской квартал, застроенный невысокими домами, также расположился достаточно близко к Стене, чтобы хорошо просматриваться, тем более тоже освещался фонарями. Небольшая пустынная площадь, мощенная булыжником; парочка лавочек и редкие прохожие, похожие на нас. На первый взгляд, в Сумеречном мире живут такие же люди, как и мы, если не помнить о тамошних «зверствах», регулярно освещаемых нашими СМИ в новостях.

Я уже хотела было продолжить путь, но в этот момент на обозреваемую мной площадь въехала шикарная, напоминающая наши старые машина, из которой неторопливо, без лишних движений, вышел мужчина. Не знаю почему, но его крупная фигура в темном деловом костюме привлекла мое внимание. Призраки

почему-то не торопились замутнить Стену, предоставляя прямо-таки великолепный, чистый обзор, лишь голубоватые энергетические всполохи пробегали по куполу, словно по экрану.

Мужчина осмотрелся, мазнув по Стене взглядом, облокотился на свой шикарный ретро-седан немного непривычного вида и обратил взор в сторону темной аллеи справа от себя. Где маячил темный силуэт, через несколько секунд ставший приближающейся высокой красивой женщиной. Она не просто шла, а словно несла свое прекрасное тело, удачно подчеркнутое одеждой, давая зрителям, к коим я относила себя и брутального незнакомца, возможность полюбоваться. Дама, как пишут в бульварных романах, буквально источала сексуальность и чувственность. Эта зрелая, в расцвете лет и сил, платиновая блондинка с короткой стрижкой, подчеркивавшей красивые черты лица, подойдя к мужчине, улыбнулась. Они заговорили.

Жаль, что я не слышала, о чем шла речь: Стена не пропускала ни единого звука, но тем интереснее было следить за эмоциями собеседников, отражавшимися на их лицах, которые они не скрывали друг от друга. И я, как в немом кино, наблюдала за жителями «потустороннего» мира. Мне впервые довелось увидеть серых, что называется, живьем, да еще настолько «широкоэкранно». Вскоре блондинка начала распаляться, а вот мужчина сохранял каменное спокойствие. Впрочем, вскоре разрушенное появлением новых участников действа.

Я до того увлеклась зрелищем, что не заметила, как вечерние сумерки уступили место ночной темноте. А за Стеной тем временем росло напряжение… Мужчину и женщину обступили пятеро типов, прямо сказать бандитской наружности. Они угрожающе скалились на «делового», который неторопливо расстегнул пиджак, провел пятерней по черным коротким волосам, убрав со лба челку. А лично меня привел в трепет размер клыков у прибывших, мягко говоря, недоброжелательно настроенных «товарищей», вызвав неприятный холодок между лопатками.

«Кинодрама» стремительно раскручивалась в боевик: от обмена «любезностями» участники перешли к действиям. Неожиданно женщина змеей скользнула к собеседнику и вцепилась ему в горло зубами, буквально вырывая плоть. А следом плеснула в него жидкостью из склянки, как по мановению волшебной палочки появившейся у нее в руке. Я содрогнулась, увидев ее испачканное чужой кровью лицо, искаженное яростью и злорадством. А вот пострадавший брюнет был откровенно удивлен таким поворотом событий и, наверное, предательством красотки. За что и поплатился, не успев вовремя увернуться:

жидкость попала ему на открытую рану и частично на лицо. Я видела, как он, явно испытывая невыносимую боль, судорожно вытирается рукавом, не обращая внимания на разодранное горло.

От накала эмоций я даже не смогла усидеть на месте. Встала и таращилась, не зная, что делать. Ведь на моих глазах впервые убивали живое разумное существо, пусть даже серого, пусть даже «там».

А в следующий миг на пострадавшего напали всем скопом. Не тут-то было: двое бандитов отлетели после точных ударов брюнета кулаками, как кегли. Одновременно он начал быстро увеличиваться в размерах, словно раздуваться. Сперва появились темные когти, затем – лапы! Но невредимые остальные участники накинули на него странную блестящую сеть, и трансформация прекратилась. Правда, ненадолго. Брюнет-оборотень разорвал ее, при этом на его волевом лице от натуги жилы выступили. Бандиты вновь набросились на свою жертву, подобно мелким хищникам, пытаясь взять уже количеством. И надо сказать, им это почти удалось, однако раненый, истекающий кровью, боролся как лев. В какой-то момент он, видимо, посчитал, что остался последний противник, но к нему со спины подбирался еще один враг.

Лихорадочно соображая, как помочь, я не придумала ничего лучше, чем, воспользовавшись фотоаппаратом, которым сегодня запечатлевала своих одноклассников, подбежав ближе к Стене и увеличив силу вспышки, снять сцену кровавой расправы. Яркий свет ослепил нападавшего и привлек внимание брюнета. Тот одним сильным ударом разорвал вероломному серому горло, а потом кинулся на последнего оставшегося стоять на ногах врага. Пока обитатели Сумеречного мира дрались, женщина, поняв, что дело плохо, тихонько убралась с авансцены, растворившись в темноте. А вот ее жертва, частично обратившийся мужчина в разорванном костюме, истекая кровью, зажимая горло ладонью, посмотрел на меня.

Я замерла с фотоаппаратом в руках. Неожиданно подул ветер, разметав мои волосы и закрыв обзор. Пока убирала пряди за ухо, мы еще пару мгновений смотрели друг на друга, затем мужчина дернулся что-то сделать, но Стену стремительно заволокло белесой пеленой. А на меня уставилось провалами глаз несколько искаженных недовольными гримасами лиц-масок, застыв напротив. Надо признаться, призраки пугали не меньше кровавого побоища, только что творившегося за Стеной. Отшатнувшись, я споткнулась, застряв каблуком в ямке, и чуть не свалилась в лужу. Умудрившись удержать равновесие, торопливо

подхватила в спешке оброненную на землю сумку и поспешила домой, оглядываясь, опасаясь, что вдруг кто-то из передравшихся серых или злюк-призраков меня преследует, хоть это и невозможно.

Глава 2

Утро – яркое, теплое под легким пуховым одеялом, на мягонькой постельке, с толстым, удовлетворенным жизнью котом Яшкой под боком, который радостно мурчит, отзываясь на ласку. Значит, мама его уже накормила, а то бы горланил как оглашенный, жалуясь соседям на голод, одиночество и хозяев, забросивших несчастное животное.

Я потянулась, довольно жмурясь, не хуже кота; вчерашние события почти выветрились у меня из головы. Лишь когда в ванной умывалась, вспомнила того незнакомца, что, как зверь, – хотя почему как? – отбивался от нападавших на него вампиров. Без сомнений, это были кровососы: внешность и особенно клыки у них приметные.

Из кухни потянуло чудесными ароматами выходного дня, и ноги сами собой понесли меня туда. Чмокнув маму в щеку, я спросила, уже предвкушая маленький праздник жизни:

– Привет, мамуль, что у нас на завтрак?

Она поставила в сушилку чистую тарелку, мягко улыбнулась, одарив меня теплотой и нежностью, и ответила, продолжая накрывать на стол:

– Доброе утро, решила вас с отцом овсяными оладушками побаловать. Он их так любит…

– Да он все любит, что ты на стол ставишь.

В маминых больших карих глазах зажглись золотистые искорки, как всегда бывало, когда она радовалась или счастливо смеялась.

– А вот и не все, – раздался за спиной отцовский басок. – Морковный пудинг, которым наша Леночка пытается меня накормить уже второй день, я терпеть не могу.

– Зато полезный, – авторитетно отозвалась мама. – У нас многие гости его заказывают.

Я посмотрела на стройную от природы маму, работавшую шеф-поваром одного из самых дорогих ресторанов нашего города, потом скосила глаза на среднего роста, полноватого, широкого в плечах, с залысинами на лбу и макушке папу – заместителя главного энергетика – и выступила на ее стороне:

– Пап, у тебя лишних килограммов этак двадцать, так что мама для тебя же старается, а ты руками и ногами упираешься.

Я чувствовала, что отец не обижается, ему просто чуть-чуть неудобно за свою слабость, да смущен пристальным вниманием к его полноте. Двадцать шесть лет назад, когда мои будущие родители встретились, он был атлетически сложенным красавцем с густой русой шевелюрой. А мамочка с тех пор почти не изменилась: по-прежнему стройная, с красивыми шелковистыми, шоколадного оттенка волосами, лежащими на плечах мягкой волной. Молочная кожа с розовым румянцем на чуть впалых щеках, узкое лицо. Пухлые губы, немного острый подбородок и вздернутый симпатичный носик. Мне невероятно повезло, что я – вылитая мама. Папа иногда шутил, что его любимая драгоценная Леночка сходила за дочуркой не в роддом, а в ближайший копир-центр.

Способностью к магии я тоже обязана маме – эмпат второй категории, как и все женщины по ее линии. Но главное – светлая, и это обстоятельство висит надо мной бетонной плитой с самого детства.

– Ксень, ты сегодня очень занята? – привлекла мое внимание заботливая мамочка.

– Так суббота, мне Сережка звонил, хотел поговорить. О чем-то важном. Мы на два часа договорились встретиться, – я пожала плечами, наслаждаясь вкуснейшим хрустящим оладушком, – а что?

Мама нахмурила идеальные темные дуги бровей, наверняка хотела о чем-то узнать, но передумала и попросила отца:

– Игорь, включи новости, узнаем, что в мире творится.

С экрана телевизора полился чистый безмятежный голос ведущей новостного канала. Мы уже заканчивали завтракать под аккомпанемент новостей экономики, политики, чрезвычайных и не очень происшествий, когда ведущая суровым проникновенным тоном, в котором зрители должны были прочувствовать ее патриотизм, произнесла:

– Внимание! Уважаемые жители Крупограда, напоминаем: двадцать пятого апреля в двадцать один час по столичному времени будет проводиться Всемирная Лотерея. Победителям направят уведомления. В этом году Правительство приняло решение о проведении церемонии вступления в защитники Мира в нашем регионе. Храните Свет в ваших сердцах и проявляйте мужество во благо всего человечества!

Новости сменила реклама презервативов, вызвав в душе резкий диссонанс. Почти ненависть к незнакомым людям, устроившим балаган из будущей трагедии.

– Ксень, может, Сережа сегодня решил сделать тебе предложение? – старательно сдерживая слезы, мама, похоже, все-таки высказала ту самую мысль, которая пришла ей в голову, когда узнала о моей встрече с другом.

Затем она нервно потерла виски и беспомощно посмотрела на папу, не замедлившего прийти ей на помощь:

– Дочь, ты у нас одна, подумай, ведь тебе двадцать пять уже. Другие сразу же женятся и детишек… рожают.

Я медленно поставила кружку с недопитым чаем, встала и, чувствуя родительский страх и озабоченность, виновато ответила:

– Не знаю, что он решил. Честно сказать, если предложит замуж, скорее всего, откажусь.

– Но почему? – потрясенно выдохнула мама, обессилено опершись о столешницу. – Миллионы людей женились еще подростками, чтобы избежать участия в Лотерее, до того, как ввели ограничение по возрасту для вступления в брак. Забеременевшим раньше двадцати одного года тюремные сроки раздают направо и налево. А ты… откажешься?

– Дочь, ты уже четвертый год подряд рискуешь получить уведомление. Чего ты ждешь? – начал злиться отец.

И я его прекрасно понимаю. Он перенес сложную операцию после страшной аварии, детей у него больше не может быть. Точнее, у обоих родителей, потому что их любовь неизмерима, ее можно лишь прочувствовать, живя с ними под одной крышей, ощущая всепоглощающую нежность, заботу друг о друге, радость и нужду, когда один касается другого. Мама никогда не оставит отца и не предаст. Их любовь, как говорят, с первого взгляда и навсегда. Как же мне, эмпату, проникшемуся их чувствами, сроднившемуся, жить с мужчиной, не испытывая того же? Нет, я не в состоянии. Жаль, до сих пор не нашла того, кому без оглядки бы доверила свое сердце и жизнь, не думая о разумности этого поступка. Без сомнений.

Сдула челку, упавшую на лоб, тем самым давая себе секундочку, чтобы закрыться от мамы эмоционально, и спокойно ответила:

– Я не смогла его полюбить. Надеюсь, все изменится между нами и… не знаю, – увидев, что отец хочет возразить и начать уговаривать, добавила: – Не надо, папа. Я чувствую твои эмоции и понимаю вас, но и ты пойми меня. Главное – быть честной с самой собой. Ты же сам мне это говорил в детстве. Обман, как правило, разрушает не только планы и жизнь, но и тебя самого.

– Лучше бы я тогда соврал, – рыкнул отец, вскакивая. – Забила себе голову чушью: хочу быть честной, хочу свободной, хочу…

– Игорь! – воскликнула мама, останавливая его. – Ксеня права, лучше не надо… сейчас. После Лотереи учить жизни будешь…

– Но… – отец грузно плюхнулся на табурет. Потом непривычно беспомощно посмотрел на любимую женщину. – Можно же сейчас что-то придумать…

– Пап, разводы упразднили еще сто лет назад, лазейки магам, задумавшим увильнуть от Лотереи, перекрыли напрочь. А я не готова прожить оставшуюся жизнь с нелюбимым мужчиной. И рожать от него детей.

– Но ведь Сергей хороший парень и любит тебя и…

– …он тоже светлый, которому предстоит участие в Лотерее! – припечатала я. Потом, чтобы не оставлять в семье гнетущую атмосферу, добавила с грустной улыбкой: – Вероятно, он все же сделает мне предложение сегодня.

Отец с матерью вскинули на меня взгляды, исполненные надежды и отчаяния.

– Ксения, не спеши отказывать, – дипломатично посоветовал папа, обнимая маму за плечи. – У тебя будет время его полюбить, вот увидишь.

– Он-то точно к тебе не равнодушен, – добавила мама, прижимаясь к отцу. – Тебе будет приятно ощущать его любовь, глядишь – и ответная придет…

Я с горечью усмехнулась: вторая категория эмпатии означает двустороннее восприятие. Можно как считывать чужие эмоции, так и делиться, а точнее – навязывать свои. Хотя восприимчивость к чужим гораздо выше, чем транслирование собственных. В общем, недостаточно хорошо контролируя свои способности, я выбрала специальность экономиста, позволившую сократить круг ежедневного общения. Сергей – менталист, закончивший медицинский университет и сейчас наконец получивший лицензию для работы психиатром.

Мы познакомились на студенческой вечеринке, и вскоре он стал моим первым мужчиной. Надо отдать ему должное, Сережка сильный, умный – идеальный вышел бы муж, но у меня никогда не получалось соврать ему о своих чувствах, мыслях о наших отношениях. Он не спешил, ждал от меня взаимности, за что я была ему премного благодарна. Может и правда – согласиться стать его женой?

С такими мыслями я собиралась на встречу со своим парнем.

Глава 3

Зеленый свет светофора – и я мягко трогаюсь с места, разгоняюсь. Езжу как черепаха, но тем не менее люблю большие машины, которые принято считать мужскими, «агрессивными». Плавно въехав на стоянку возле ресторана с прямо-таки говорящим названием «Встреча», я припарковала свой вишневый «меркос». Мысль о том, что это тихое уютное место сегодня, похоже, предназначено для важного разговора, заставила трепыхнуться сердце в груди.

Возле входа меня ждал Сергей, приветливо улыбнувшийся, когда я помахала ему рукой. Как обычно, в светлых джинсах, легком хлопковом бежевом блейзере и светло-коричневых туфлях. Мой стильный, яркий голубоглазый блондин, предпочитающий одежду пастельных тонов, очень соответствует образу светлого мага. По крайней мере, подобными их частенько изображали на картинах и в хрониках, посвященных защитникам светлого мира, добровольно (или не совсем) отдавшим свои души на создание и поддержание Стены.

Пока я выключала двигатель и забирала сумку, Сергей подошел к машине и, помогая выйти, предложил, внимательно разглядывая меня:

– Привет, Ксюш, может, просто прогуляемся? – ему явно не терпится высказаться.

Оглядевшись вокруг, я увидела пустующую зеленую террасу и предложила:

– Давай лучше на воздухе кофе попьем?!

Сергей согласился и, пока нам приносили заказ, молчал, продолжая пытливо всматриваться в мое лицо.

– Ты хотел поговорить о чем-то? – начала я, положив ладонь на его руку.

Еще добавила чуточку расположения в общую эмоциональную атмосферу. Я чувствовала: мужчина нервничает, очень, хоть и пытается это скрыть, успокоиться.

– Да, – вздохнул он, откидываясь на спинку стула и убирая руку со стола.

Мои пальцы скользнули по Сережиным, невольно желая удержать, а в сердце закралось нехорошее предчувствие.

– И? – я пригубила латте и посмотрела в голубые глаза напротив.

– Мы должны расстаться, – слишком спокойно заявил Сергей.

И если еще несколько минут назад он сомневался, то сейчас сомнения испарились.

– Почему? – не могла не спросить я. – Из-за Лотереи? Ты боишься, что кто-то из нас получит уведомление?

После мучительно долгой и грустной минуты он ответил:

– Я ждал несколько лет, когда же ты, в конце концов, откликнешься на мои чувства, проснешься…

– Ты не… – в который раз за день приходится оправдываться.

– Я ждал и рисковал стать защитником вместе с тобой три года, но я устал ждать.

– Я хотела… я думала…

– Об эмпатах второй категории я прочел все. И точно знаю теперь, что если бы ты любила, то чувства бы сами по себе прорывались, я бы однозначно ощутил твои эмоции… любовь. А ты… С тобой я ощущаю пустоту. Даже в постели… физическое удовольствие, не более. Словно в глухую стену изо дня в день бьюсь без толку.

Глаза у меня защипало; он говорил правду, но от этого почему-то было больно. Ведь Сережка – мой идеал мужчины, а сердце и душа молчат. Иногда самой казалось, что я бесчувственная. Трусливо и малодушно сваливала все на собственные усилия держать контроль над своим даром, вот и произошло что-то со мной такое…

– Прости меня, – тихо шепнула я. – Ты самый лучший мужчина на свете и ты…

– …очень нравлюсь тебе, но не более, – с горечью закончил он.

– Да, – кивнула и добавила: – Но я надеялась, со временем ситуация изменится.

– Нет, – покачал он головой, отчего золотистая прядь скользнула на глаза, и я с трудом удержалась, чтобы не поправить ее. – Четвертый раз рисковать в Лотерее не хочу, да и биться в глухую стену тоже.

– Ты уже все решил? – хрипло спросила я, почувствовав страх потерять мужчину, который стал первым, а возможно и последним, с которым даже подумывала создать семью, – больно.

– Да, – Сергей нахмурился, отвел взгляд в сторону и уставился в никуда. – Ксения, недавно я встретил девушку, обычную, без магии, – он снова посмотрел на меня, в его голубых глазах сверкнул лед. – Мне, менталисту, читать ее слишком легко… но ты знаешь, оказывается, так приятно, когда тебя любят, восхищаются, боготворят землю, по которой ходишь.

– И ты готов связать жизнь с женщиной, которую не любишь? – изумилась я.

Сергей грустно усмехнулся:

– Мои способности сделали меня прагматиком. Я один раз поддался искушению, чувствам и что получил? Ничего. А Снежана… хорошая девочка. Очень добрая, ласковая… преданная. Мне будет с ней хорошо и комфортно.

– Ясно! – выдохнула я, затем с иронией спросила. – Ты пригласишь меня на свадьбу?

– Нет, – мужчина, уже не влюбленный в меня или решивший избавиться от этого чувства, неожиданно стушевался, – не хотелось бы на своей свадьбе сравнивать бывшую подругу и невесту.

Подперев кулаком щеку и мрачно посмотрев на него, придралась:

– Знаешь, ты хорош, светлый! – черт побери, мне все равно стало обидно. – Встречался с двумя одновременно… Лучше бы уж не говорил.

– Я не спал с ней еще, если тебя это задело. Одно знаю точно: если сегодня сделаю предложение, завтра она на крыльях любви и счастья полетит со мной регистрировать брак.

– Вот как, да ты еще и циник к тому же? – удивилась я очередному открытию.

Сергей симметрично подпер щеку, уставился на меня и усмехнулся:

– Ксю, представляешь, как мало я тебя интересовал, что за несколько лет ты так и не узнала меня. Я кажусь себе слизняком…

– Видимо, ты хорошо притворялся. Белым и пушистым, – поморщилась в ответ.

Вялый обмен претензиями завершился серьезным вопросом:

– Ты бы вышла за меня, если бы я сейчас предложил? Хотя бы ради того, чтобы избежать Лотереи?

Конечно, хотелось согласиться, потому что после утренних новостей меня не оставляло неприятное предчувствие грядущих неприятностей, а раньше такого не было. Но сейчас, узнав планы Сергея, его мысли и желания, поняла – не смогу, зря он сказал о другой девушке, и потому ответила с небольшой задержкой:

– Нет, – виновато улыбнулась, – не стоит портить жизнь ни тебе, ни себе.

Несостоявшийся муж достал бумажник, положил на стол купюру и уже на выходе с террасы процедил:

– Желаю удачи в Лотерее. Но если тебе все-таки повезет и в этот раз, не думаю, что мы останемся друзьями.

– Счастливой семейной жизни, – уныло пожелала я в спину бывшему другу.

Официантка чуть не плакала, забирая оставленные Сергеем деньги, полностью отражая мое внутреннее состояние. В такие моменты я не в силах бываю контролировать свои эмоции, и они транслируются прямиком на окружающих, охватывая их.

А спустя три дня, двадцать пятого апреля, в двадцать один час по столичному времени, сидя с родителями перед телевизором, я с замирающим сердцем наблюдала, как проходит Всемирная Лотерея. Как один за другим на электронном табло начинают светиться зловещие цифры. И такие, как я, свободные молодые светлые под бешеный стук собственного сердца вглядываются в них, страшась увидеть свои, личные.

В Лотерее ежегодно участвует несколько миллионов личных номеров граждан со всего мира, у которых выявлена хоть толика светлой магии. И среди них та самая, злополучная тысяча неудачников светлых, обязанных отдать все, ради благополучия и спокойствия других.

Протяженность Стены столь громадна, что ее разделили на сегменты, и каждый из них объединяет несколько регионов: одной ли страны, нескольких ли государств – не важно. Нужда в поддержке купола стирает все границы. А «выигравших» свозят к нужному участку Стены из разных мест.

И в этом году я «победила»! И теперь стану защитником Света.

Глава 4

Майская гроза разразилась с самого утра. И лютовала так, что от очередного раската грома я вздрогнула, от нечего делать обреченно наблюдая, как за окном струи дождя смывают уличную грязь с высоток, стекая по стеклянным фасадам офисных зданий, с уличных фонарей, вечными стражами стоящих вдоль тротуаров и дорог, с посеревшей от пыли зеленой листвы, добавляя городу весенних красок.

Крупоград свое название получил из-за песка, добываемого в карьерах за городской чертой, который благодаря специфическим свойствам похож на

крупу. Большой – полмиллиона жителей – региональный центр с тремя крупнейшими в нашей стране университетами, процветающими научными заведениями, бизнесом. Жилось в нашем городе совсем неплохо…

Как же хочется жить!

Автобус с жертвами Стене, а выглядели мы именно так и чувствовали себя соответствующе, подпрыгнул, попав колесом на выбоину, и я чуть не стукнулась лбом о стекло. Из-за грозы церемонию вступления в защитники отложили до обеда – молнии могли создать помехи или вовсе нарушить процесс инициации и распада. А молодые светлые – те, кого уже фактически исключили из реестра живых граждан – получили возможность помучиться еще несколько часов в ожидании смерти или, подобно мазохистам, подышать воздухом, напоенным весной и дождем. Последний раз!

Больно вспоминать, как я прожила месяц с того момента, когда ведущий Лотереи объявил «выигравших». Выпал мой номер, который присваивают каждому выявленному магу еще при рождении. Первую неделю я ходила на работу, действуя на автомате, стараясь не думать ни о чем, связанном с предстоящим уходом. Затем улетела на море с родителями, и следующие две недели стали самыми теплыми в жизни, и в тоже время та самая бетонная плита уже не висела – давила. Мы знали, что я умру через несколько дней, но никто из нас не мог смириться с моей участью.

На последней неделе папа и мама попытались добиться моей замены, предложив свои жизни, но я официально отказалась. Мало того, накануне вечером к подъезду буквально вывалился из такси пьяный вдрызг Сергей, теперь уже, надеюсь, благополучно женатый. Помятый, землистого цвета бывший плакал и просил прощения неизвестно за что. Пришлось, вместо того, чтобы наслаждаться последними часами жизни, приводить его в порядок, отпаивать чаем и долго, подробно и нудно объяснять, что в случившемся нет его вины. Действительно – он три года рисковал вместе со мной, надеясь на чувства с моей стороны.

А утром меня забрали представители специальной службы, занимающейся защитниками Великой Стены. Родителям запрещено сопровождать нас. Правительствам всех стран истерики во время процедуры инициации и распада не нужны, во избежание волнений среди граждан и брожений умов. Купол должен существовать, а значит – Лотерее быть. И надо отдать должное,

процедура выбора жертв, как ни крути, – абсолютно прозрачная и честная. Если выбор судьбы падал на кого-то, то ни происхождение, ни чин, ни высокопоставленные родители не могут изменить ситуацию. Если только кто-то другой не вызовется заменить избранного.

До чего удивительно устроено наше общество! Родиться магом – это печально и здорово одновременно. Первое – потому что ты с рождения обречен участвовать в игре «обмани судьбу» и до двадцати одного года не знаешь, будешь ли жить дальше или нет. Второе – если тебе удалось не выиграть в первый, обязательный, раз в Лотерее, а затем быстренько жениться и родить первенца, то в будущем однозначно будешь обеспеченным. Работников со способностями выше средних приветствуют в любой отрасли, области и сфере жизни. Маги чаще всего у власти: занимают высокие должности, руководят корпорациями, крупными учреждениями и тому подобное. А людей, в генах которых отсутствуют признаки мутаций, вызванных последствиями падения крупного метеорита восемьсот три года назад, данные проблемы не касаются. Они живут и радуются тому, что их Лотерея затрагивает постольку поскольку. Они лишь зрители у Стены.

Кортеж медленно подъехал к тому самому парку, где полтора месяца назад я по сути спасла жизнь оборотню. Вокруг небольшой площадки у купола собралось множество народа. Здесь были и представители власти, и пресса, и самые обычные зеваки, жадные до зрелищ. Сразу отыскала глазами среди толпы маму и папу. Мои бедные несчастные родители с бледными осунувшимися лицами, надеюсь, вы будете утешением друг другу.

Автобус дернулся, останавливаясь, двери с шипением открылись – и мы услышали гул тысяч голосов, щелчки камер. Сейчас возле каждого сегмента Стены, разделившей материк на два мира, происходит то же самое или уже произошло, или только готовится. Инициацию проводят в течение одних суток, чтобы усилить мощность энергии, вливаемой в купол. Так решили давным-давно, и порядок, заведенный раз и навсегда, ни разу не нарушался.

На выход я встала вместе с другими девятью светлыми. Десять душ для каждого сегмента – закон! У двери расстелили красную дорожку; я с десяток раз видела церемонию по телевизору, но даже не представляла, что когда-нибудь собственными ногами в белых мягких туфлях ступлю на кровавого цвета покрытие. Все десять защитников были в одинаковой белой одежде: свободных рубашках и прямого покроя брюках. Соответственно, обуты в белые «тапочки».

Десять будущих призраков в белом, понурившись, скорбной вереницей шли к Стене по красной дорожке. Голоса стихли, а вот щелчки камер стали раздаваться чаще: еще бы, шоу начинается. Краем глаза я отметила, что родители больше не плакали, исчерпав слезы, – сжимая руки другу другу, не отрываясь смотрели на меня. Прощались. Я грустно улыбнулась, поднесла кулак к груди, там пока жила душа и билось сердце, затем отвернулась. Боже, как же страшно умирать.

Мы выстроились вдоль Стены, которая сейчас аж гудела от напряжения: слишком много народу находилось поблизости. Рядом со мной стоял крепкий парень с открытым волевым лицом, яркими синими глазами – не красавчик, но очень приятный. Кажется, он из Североморска. И зовут его Андреем. Обычно защитников привозили из разных мест к ближайшему сегменту. Представитель Правительства произнес традиционную короткую речь, тоже неизменную с основания Стены. Потом город огласил громкий тоскливый звук трубы. Одна низкая, хватающая за душу нота, – но теперь каждый знает, что сейчас произойдет.

«Начали!» – приказали нам.

Первой шагнула девушка, которая все время, не переставая, рыдала и дрожала как осиновый лист. Я успела заметить, как тень несчастной присоединилась к подобным, и в следующее мгновение на землю упали тапки, следом – рубашка с брюками, словно белый саван, а тело буквально растворилось в Стене. Конец!

Позади каждого из защитников стояли представители службы и контролировали процесс «захода», сомневающимся «помогали». Так, следующему парню посодействовали тычком в спину, уж больно заторможенным он выглядел. Белые кучки одежды оседали все ближе ко мне. Я бросила последний взгляд на родной город, всхлипнула от страха – и меня ткнули в спину, тоже помогая найти в себе мужество умереть.

Сколько раз я смотрела аналитические программы, где обсуждалось, что чувствуют защитники, входя в биополе Стены. Мгновенно распадаясь на частицы, наше тело выбрасывает большое количество энергии, создающей силовое поле – купол. А вот души становятся защитниками, «церберами», которые не пропускают темных к нам, в то же время препятствуя любому общению двух миров. Почему они так делают – никто не знает до сих пор.

И вот я в Стене, но боли, как многие предполагали, не чувствую. Скорее – невероятное давление, словно в меня кто-то хочет пробраться, просочиться. Будто я кусочек сахара, брошенный в чай, и меня сейчас помешивают, растворяя.

Я закричала, концентрируясь на самом сокровенном – лицах мамы и папы. Ведь они сейчас видят меня. На краю сознания слышался жуткий многоголосый ор, требующий расслабиться, отпустить себя, отдать… душу. Меня затопил ужас, который я невольно выпустила из себя, пытаясь отмахнуться от навязчивого сонма голосов, спрятаться, убежать, спастись.

С воплем рухнув на колени, я замолчала и стала судорожно хватать ртом воздух, ошалело осматриваясь. Рядом оказался Андрей, дикими глазами вытаращившийся на меня.

– Мы прошли… – потрясенно выдохнули оба.

Позади меня разворошенным пчелиным ульем гудела Стена; я увидела на другой стороне удивленные лица зрителей и особенно – представителей власти. Затем обернулась на улицу, аккуратно мощенную мелким камнем, невысокие дома, низкие серые облака – все в серой дымке, которая всегда здесь висит, похожая на смог. Сумеречный мир – неведомый и от того устрашающий.

Перед нами стояла небольшая группа серых – местных обитателей, которые видимо тоже были не прочь понаблюдать за жертвоприношением светлых. А точнее, любителей кровавых развлечений – вампиров.

– Сегодня прекрасный день, господа, – расплываясь в клыкастой зверской ухмылке, процедил один из них, плотоядно рассматривая нас. – Меня ожидает вкусный дармовой ужин.

– Целых два деликатеса… Неслыханная щедрость со стороны защитников светлых! – проурчал второй, невольно облизываясь и мягкой поступью направляясь к нам.

– Бежим, – просипел Андрей, хватая меня за руку и увлекая за собой.

Мы рванули так, как я никогда не бегала. А улюлюкающая стая зубастых охотников за человечинкой понеслась за нами. Если принимать во внимание несвойственную людям пластику и скорость, о которых было известно за Стеной, чему я сама была свидетелем совсем недавно, они решили поиграть с нами.

Боже, как же страшно умирать!

Глава 5

Город, по которому мы бежали, основали не больше двух-трех столетий назад, как указывали наши источники. Так же, как и Крупоград, он постепенно расширялся и в результате приблизился к куполу вплотную. Но если на родине теперь стояли большей частью многоэтажные жилые и офисные здания да огромные торговые центры, то здесь по ходу движения мелькали небольшие лавочки разного профиля, добротные кирпичные домики с тяжелыми деревянными дверями, выходящими прямо на узкий тротуар.

Редкие пешеходы, завидев несчастных нас, преследуемых шумной стаей вампиров, спешили скрыться. Пару раз мы выскакивали из-за поворотов перед проезжающими автомобилями, но водители прибавляли газу, явно не желая стать участниками или свидетелями будущей трагедии. Никто даже не подумал притормозить, помочь нам, предложить сесть в машину… Каждый, увидев людей в белом, в лучшем случае понятливо отворачивался. А мы, словно два неприкаянных привидения, продолжали уносить ноги.

Андрей дернул меня за руку, резко заворачивая в подвернувшийся переулок. Не зная города и будучи слишком заметными, мы могли надеяться исключительно на чудо: вдруг удастся затеряться, спрятаться, чтобы прийти в себя.

В очередной раз судорожно оглянувшись, мы не обнаружили погони и замедлили бег. В боку нещадно кололо: к таким забегам я точно была не готова, мало того, из-за затянувшегося стресса и прохождения Стены – будь она неладна! – сколько сил растеряла. Мы неуверенно остановились, прислушиваясь: тишина и привычные городские звуки. Рядом баки с вонючим мусором. Вероятно, Сумеречный мир не так уж сильно отличается от нашего, каким он был в прошлом, лет сто назад.

Мы тяжело дышали, испуганно озираясь по сторонам. Припозднившаяся истерика накатила удушливой волной.

– Это ужасно, – всхлипнула я, – не правильно…

– Похоже, сегодня удача все-таки на нашей стороне, – нервно усмехнулся Андрей, выпрямляясь и стирая пот со лба.

Я не успела ответить; в этот момент с крыши к нему метнулась серая тень, повалила парня на спину, а вслед за ней еще и еще… Я захлебнулась воплем ужаса, увидев, что живого человека, подобно огромным диким зверям, рвут между собой трое вампиров, впиваясь в шею, запястье и даже в бедро, разрывая белую одежду, которая быстро становилась алой.

Жуткое, немыслимое зрелище – разумные пожирают разумного! – заслонила крупная фигура; в полнейшем ступоре я уставилась в кровавые глаза вампира. Почти обычный человек, каких миллиард на светлой стороне, если бы не ужасающее красное пламя в глазах, неестественно бледная, до голубизны, кожа да торчащие изо рта клыки – вот и, пожалуй, все внешние отличия. Рядом с убийцей возник второй, ниже ростом и худее. Ноздри у этого кровопийцы затрепетали. Он, резко вдохнув, в нетерпении взвыл:

– Ох-х, как же девчонка вкусно пахнет, аж внутри все болит…

И тут первое исчадие ада, сверкнув огнем в глазах, кажется, нежно погладило меня по щеке настоящим темным когтем, затем, царапнув до крови, прохрипело:

– Нежная шкурка… но голод не шутки.

Жадный синхронный вдох, смазанное движение – и моя шея взорвалась болью.

Забвение никак не наступало, из меня высасывали кровь, а рядом голодными гиенами урчали вампиры послабее, задираясь между собой – у останков Андрея. Или дожидаясь моих! Дальше я захлебывалась собственной кровью, ударившей в нос и рот, свалившись на тротуар. Ну почему удар о булыжник не выбил из меня последний дух? Возможно, немыслимая боль не давала скользнуть в спасительную темноту. Ведь теперь буквально жрали – меня. Кажется, во мне не

осталось ни капли крови, так холодно было. Я перестала чувствовать свое тело. Сознание почему-то не отключилось и фиксировало, как возле мусорки останки Андрея доедали нелюди, суетились. Туман в глазах постепенно заволакивал окружающее безобразие, а мне было уже все равно. Нет, я молила о скорой смерти.

Я не знаю, сколько бы это длилось, но внезапно в поле зрения появились новые представители Сумеречного мира.

– Чтоб у вас хвосты отвалились! – в сердцах прорычал один из вампиренышей и крикнул: – Братва, стражи!

На ходу частично изменяя тело, в переулок вбежали оборотни и сразу кинулись на вампиров – трое против десятка.

Трансформирующийся получеловек-полубарс с серой полосатой шевелюрой прорычал пившему мою кровь убийце:

– Что, кровососы, забыли, чья здесь территория? Или от вида светлых жертвенных овец последний страх потеряли? Давно свои кишки не жрали, выродки?..

Глаза у меня против воли закрывались, не в силах пошевелить ни рукой ни ногой, я не дернулась, даже когда через меня прыгнули на оборотня сразу двое кровососов. Уже через мгновение я оказалась в центре не то боевых действий, не то жесточайшей бандитской разборки: оборотни на лоскуты драли вампиров, хотя и им доставалось.

Порадоваться бы за свое отмщение, но мое сердце билось все медленнее. Я прощалась с жизнью, отчетливо чувствуя, что все еще в сознании, наверное, только благодаря невероятному всплеску адреналина. Видимо, когда сердце сделало последний судорожный рывок, на меня рухнули барс и пытавшийся дотянуться до его горла в отчаянной попытке выжить вампир. Я услышала хруст своих ребер. Кровосос, провернув обманный удар, располосовал оборотню шею, и внезапно мне стало тепло от его крови, хлынувшей на мое лицо и горло, от которого вряд ли что осталось. Громоподобный злобный рык – и враги скатились с меня, а вскоре победителем из схватки вышел настоящий огромный барс. Одежда полностью обернувшегося серого обрывками разлетелась по сторонам,

впрочем, та же участь постигла и тело неудачника-вампира. От чего я все-таки испытала мстительное удовольствие.

Глаза закрылись; родного звука собственного бьющегося сердца больше не было слышно. Где же яркий свет и долгожданный тоннель в то самое загробное будущее?

– Сразу двое светляков? – услышала я удивленный голос одного из стражей, надо полагать.

– Да, свидетели сказали, что Стену прошли сразу двое, – раздраженно ответил второй.

Дальше понеслись крепкие витиеватые ругательства. Барс высказывался от всего сердца, и вашим и нашим, затем устало заявил:

– Проклятие, неужели нельзя по-тихому свои жертвы приносить? Ну что за идиотизм – в один и тот же день устраивать эту ярмарку ежегодно. А нам потом убирай тут за ними.

– Жаль, не успели сегодня. Моему клану целители бы не помешали… – прозвучал флегматичный равнодушный голос третьего. – Парня на куски порвали, восстановлению не подлежит. Посмотри, что там с девчонкой…

Диалог, к несчастью, слишком поздно появившихся спасателей слышался с трудом, издалека откуда-то. Мне с каждой секундой становилось холоднее и холоднее. Как же мучительно холодно! И никак не согреться или попросить добить уже последнюю кроху моего сознания, что до сих пор не может отдать богу душу.

– Из-за этого урода я ее своей кровью залил, но пульса нет. Все. Вызывай чистильщиков.

И темнота, наконец, ласково укрыла меня. Спасибо тебе, родная.

* * *

Странное ощущение лютого холода – и в то же время собственного тела не чувствуешь, будто оно промерзло насквозь. Еще тишина и пустота, плотная как вода. Я зависла в этой пустоте, подобной толще воды. Или льда? Эмпату невозможно оказаться в эмоциональном вакууме, ведь вокруг всегда есть люди или животные, те и другие испытывают чувства даже во сне. А здесь – ничего, совсем. Неужели я умерла?

Я не открывала глаза, вроде, но видела. Видела сумрак – промозглый, колючий, плотный – какой бывает поздней осенью, когда день быстро сменяется вечером. Вокруг сероватый снег, словно пеплом присыпанный, а искрится подобно чистому свежевыпавшему на солнышке. Кажется, я таки угодила в иной мир, только необычный какой-то – сумеречный.

Дальше начались еще большие странности. Опустив взгляд, отметила свои босые ступни. Неуверенность и недоумение охватили все мое существо, вынудив озадачиться: куда я попала и каким образом? Затем снова посмотрела вокруг и увидела десятки следов животных. Я не охотник, не биолог и даже домашних животных не заводила – откуда мне знать, кто тут следы оставил. Повертелась на месте, пока не почувствовала, что пятки начинают – мерзнуть. Следы словно звали за собой: каждая вереница, протоптанная неведомым хозяином, манила ступить.

Я сделала шаг, другой, следующий, замерла, раздумывая, какой бы след выбрать. Сомневалась: то слишком маленький, несерьезный какой-то, то слишком уж большой – не хватало угодить кому-то в лапы. Наконец, одна «дорожка» понравилась: аккуратные такие следочки. Почему-то решила, что кошка прошла, большая и красивая. Удивительное дело, от вмятин на снегу веяло теплом, что ли… Я почувствовала эмоции животного и мысленно полностью воспроизвела в голове его образ. Он вышел симпатичным, пушистым и полосато-пятнистым. Неуверенно поставила ногу на загадочный след, сперва носок, после – всю ступню, затем – вторую и сразу же ощутила, что меня отпускает холод, становится тепло, даже жарко. Затаила дыхание и прислушалась к себе. Вместе с благодатным теплом пришло ощущение правильности выбора. Будто моя сущность нашла свою тень или увидела отражение. С облегчением выдохнув, я, уже не колеблясь, шагнула по выбранному пути, чтобы, увы, снова внезапно погрузиться в темноту.

* * *

Холод снова злобно пробирал меня до костей, а ведь я, помнится, согрелась. И зачем-то улеглась спиной на твердую поверхность, кажется, металлическую. Правда, боль ушла, если только я снеговиком не стала, поэтому и не чувствую ее. Попробовала пошевелить пальцами, и – красота! – мне это удалось. Открыла глаза и поднесла руку к лицу, в первый момент не сообразив, отчего не вижу ни зги. Проморгалась, подышала паром на ладонь и обрадовалась: просто темно. Коснулась лица – покрыто сухой коркой. К телесным ощущениям прибавились обонятельные, и в нос сразу же ударил омерзительный трупный запах и «железный» запах крови. Опять!

Упорно сопротивляясь начавшим было накатывать страху и панике, я дернулась вверх, с трудом уселась. Судорожно ощупала свое тело – драная, заскорузлая от высохшей крови рубашка и такие же штаны. К великому облегчению, тапочки на ногах остались. Обшарив место возле себя, я пришла к выводу, что сижу на чем-то вроде каталки или оцинкованном столе. По-прежнему заторможенно соображая, осторожно спустила ноги и сползла вниз, на пол.

Покачиваясь, я начала испуганно хвататься руками вокруг, пытаясь определить, куда меня занесло в очередной раз. Пальцы коснулись чего-то холодного, твердого и похожего на труп человека, судя по очертаниям тела. Вскрикнув, отшатнулась прочь, тут же наткнувшись и ударившись о другой стол, а рука уперлась в еще один труп с раскуроченной грудью. Пальцы провалились во что-то омерзительно склизкое, и я начала задыхаться от наваливающейся дурноты и страха. Темноты с детства боюсь, а трупов – еще больше.

Я отчаянно завопила, заметалась, натыкаясь на бесконечные столы: пустые и нет. Какой-то из них с грохотом рухнул на каменный пол, раздавшийся звук неприятно резанул по перепонкам, усиливая панику. Я вскрикнула от неожиданности, споткнулась обо что-то и чуть не упала. Но тут резко вспыхнул свет, заставив зажмуриться и – ощутить чье-то недоумение. Затем раздался приглушенный звук шагов. Я приоткрыла глаза и разглядела, наконец, место, где очутилась. Морг! А вокруг действительно лежат мертвецы… разной степени «свежести» и «целости».

Не знаю, что бы было дальше, если в тот момент не отворилась тяжелая дверь, открывая вид на ступени, ведущие вверх, и коренастого мрачного мужичка в сером халате. Разум окончательно меня покинул. Когда я рванула прочь из царства мертвых, кожу обжег знакомый жар; немного изменилось зрение, став более контрастным и менее цветным. Сбив с ног до крайности изумленного

работника морга, буквально выпорхнула на следующий этаж, пролетела длинный, плохо освещенный коридор и, чуть ли не головой отворив возникшую передо мной дверь, к невероятной удаче, выскочила наружу.

Свежий ветер сладким насыщенным потоком ударил в нос, кружа голову, посылая легкость и бодрость всему телу. Впереди виднелся лес, а город заканчивался за спиной: видимо, морг расположен на окраине. Вот к деревьям я и направила свои… лапы.

Глава 6

Обычный летний вечер – время, когда улочки постепенно заливал мягкий свет фонарей, а я, спрятавшись под кустом в чьем-то палисаднике, благо смеркалось, прислушивалась к шагам и голосам горожан, то и дело сновавших мимо переулка, где мне приходилось дожидаться, пока еще немного стемнеет и все разойдутся по домам. Можно было бы выходить на «охоту» и попозже, но я до зуда в лапах хотела узнать, подслушать, подсмотреть, как живут серые. Побывать в привычной среде, возле разумных существ, хоть каким-то боком.

Вот каблучки простучали – видимо, местная красотка на свидание спешила. Прошуршал по булыжной мостовой шинами старенький автомобиль, оставив запах прогорклого масла. Удивительно, но в Сумеречном мире автомобили работают на рапсовом масле, насколько я поняла. И уличные запахи иногда напоминают столовские, памятные с детства, когда мы с папой в заводской столовой обедали; я ведь частенько приходила к нему на работу. Стоит признать, у новеньких авто выхлопы были минимальными, а подобные «старички» оставляли длинный «ароматный» шлейф.

Прислушавшись и поводив носом, я занялась привычным делом: подкралась к мусорным контейнерам возле одного из дорогих ресторанов. Разворошила бумажный пакет, потом второй и с облегчением вдохнула запах нарезанной колбаски и чуть подсохшего хлеба. Осмотрела упаковку с просроченным сыром, ничего, пойдет, всего на один день. Надкусанные продукты или с душком меня не интересовали, но довольно часто попадались вот такие приятные «целые» сюрпризы. Подхватывая зубами очередную приемлемую находку, я складывала ее в матерчатую хозяйственную сумку, к моей удаче, укра… оставленную без

присмотра на лавочке.

Что-то зашуршало, и я испуганно замерла, спрятавшись за мусор и объедки, ожидая… здоровущую упитанную крысу, тоже решившую поживиться. Конкурентка, ощутив мой, уже, кажется, привычно распространяемый фон страха, тоже насторожилась и, неуверенно поводив острым носиком, недовольно убралась. «Придешь попозже, толстуха, здесь и тебе хватит», – подумала я, проводив ее глазами, уверенная, что на родине, увидев такую живность, сама бы убежала с воплями.

Пока меня выручала усилившаяся способность транслировать необходимые в житейских ситуациях чувства и эмоции. А вот способность воспринимать чужие наоборот снизилась. Так отреагировал мой организм на изменения в теле и образе жизни, чему оставалось только радоваться, за неимением других поводов.

Поковырявшись для проформы еще немного, побоявшись столкнуться с другими «бомжами», я запрыгнула на бак, затем – на карниз, крышу и быстренько убежала из переулка. За месяц скитаний в новом мире мне пришлось привыкать быть тенью этого города: безликой, бездомной, запуганной донельзя.

Знакомый до последней ямки путь из города в лес – с сумкой в зубах, да на подгибающихся иной раз от страха лапах – я проделала без приключений. Лишь на минутку задержалась у темного окна, заметив свое отражение. Невольно вспомнила, как впервые увидела в лесном пруду собственный новый облик, обретенный по странной прихоти или шутке мироздания.

Тогда я разглядывала в отражении рысь – красивое и грациозное пушистое животное с плотным телосложением. Но стоило ей подвигаться – поразилась пластичности и гибкости большой кошки, вертевшейся и прыгавшей, словно та пыталась достать свой хвост, а не желала получше рассмотреть себя. Вид кошачьего я легко определила по характерным кисточкам на ушах, короткому «обрубленному» хвостику с черным кончиком и смешной «бородатой» мордочке. А чего стоил густой палево-рыжий мех, хотя мои собственные волосы – шоколадного оттенка с высветленными солнцем рыжими прядками.

Разглядывая в тот раз блестящий пятнистый мех, я истерично хохотала, не в силах поверить в случившееся: светлая обернулась серой – прямо сюжет

волшебной детской сказки. Попутно «полюбовалась» крупными лапами с густой шерстью между подушечками, наверняка хорошо согревающей конечности в холода. В общем, моя человеческая половина знакомилась и принимала звериную.

Как ни печально, всего лишь месяц спустя на меня с темного стекла смотрела забитая, помятая крупная кошка со свалявшимся мехом, тоской в глазах, отдаленно напоминающая ту красавицу рысь. Впервые в моей человеческой душе шевельнулась гордость, сразу сменившаяся горьким стыдом. До чего докатилась – побираюсь. Копаюсь в мусорках в поисках еды, а живу в ничейной норе на краю леса.

Перехватив поклажу покрепче, я продолжила путь и снова невольно притормозила у следующего окна, в котором ярко, призывно горел свет. В щелочку между шторами подглядела молодую пару за столом. Мужчина-маг щелчком пальцев театрально зажег свечи, а под руководством девушки сама по себе нарезалась хорошо прожаренная румяная курочка. От вида семейного ужина рот заполнился слюной, а сердце – тоскливо ноющей болью. Так хотелось к людям, жить в доме, спать в кровати, есть за столом, и чтобы вот так беспечно смеяться шуткам любимого мужчины…

Но я здесь чужая и никому не нужна. Мне некуда идти, нет даже одежды. Уже больше месяца я – несчастная задрипанная рысь, изредка менявшая облик на привычный женский, чтобы просто не забыть, каково быть человеком.

Я добралась до своего, так сказать, логова, постоянно оглядываясь и прислушиваясь, потом неторопливо поела, улеглась на живот и, положив морду на скрещенные лапы, смотрела на звезды, вспыхивавшие одна за другой на темнеющем небе. Купол не мешал наблюдать, да и солнечный свет проходил свободно, лишь слегка приглушенно. Странно, будучи дома, я никогда не задумывалась, как же серые живут; законы мироздания и природы меня интересовали в объеме учебной программы, зато сейчас появилось слишком много времени на раздумья. Сумеречный мир – словно тень Светлого. Похож, только свет не столь яркий. Облака, осадки и ветра почему-то беспрепятственно преодолевают Великую Стену, но остальное и в том числе техногенное – нет.

По телевизору иногда показывали репортажи о пилотах, сбивавшихся с курса по той или иной причине и в результате таранивших Стену. Самолеты всегда взрывались; в живых никого не оставалось ни разу.

Конечно, я задавалась вопросом: каким образом мне, отнюдь не обладавшей «запредельными» магическими способностями, удалось пройти сквозь купол? Благодаря сильнейшему выплеску эмоций? Ведь я ощущала некий «откат» призраков от себя, похожий на освобождение, а потом – нежданно-негаданно вывалилась с серой стороны. Неужели именно поэтому? Видимо, и Андрея ненароком задела… Ведь такое случалось крайне редко и, несмотря на тот факт, что информация о прохождении Стены тщательно замалчивалась, все равно просачивалась в народные массы. Может быть, раз в десятилетие светлые умудрялись «проваливаться» на эту сторону. Правда, больше о них никто не слышал. Что нисколько не удивительно, с учетом чрезвычайно запоминающейся встречи в Сумеречном мире, слишком суровом и смертельно опасном для людей в белом.

* * *

Апатия. Одолевала меня с того момента, когда я поняла, в кого превратилась. Всю сознательную жизнь, до двадцати пяти лет, считала серых зверями, ночным кошмаром и смертным грехом, а теперь – я одна из них, такая же, как они. Зверь. Ночной кошмар для таких же бездомных одиночек и неудачников или помойных крыс, которых невольно приходится погружать в свои страхи, чтобы отпугивать, защищая себя. И смертный грех: слишком часто меня посещали мысли о самоубийстве.

Хвала милосердному свету, сущность зверя не возобладала над человеческой, хотя в первые дни новой жизни я неосознанно кидалась за мелкой лесной живностью и с голодным энтузиазмом за ней носилась, по глупости и неопытности попадая в новые неприятности. Однажды, слишком далеко углубившись в лес, наткнулась на трех волков, терзавших тушу свежезагнанного оленя. Незаметно ретироваться удалось лишь благодаря шумному пиршеству да глубокому, буквально сбивавшему с ног мою звериную сущность запаху теплой крови, который перекрыл мой собственный аромат.

Сначала я боялась всего на свете. Малейший шум вызывал панику и желание зарыться куда-нибудь поглубже. Особенно, когда я наблюдала за шедшими по моему следу от морга перевертышами, отдыхая в траве у самой кромки леса. Пока переводила дух после первой трансформации и стремительного бега, заметила, что спустя какое-то время, подпрыгивая на ухабах и пыхая масляным дымком, к моргу подъехала открытая машина. Из нее вышли двое мужчин,

видимо, стражи, как их называли вампиры. Поговорили с тем самым мужичком, которого я чуть не затоптала, со всех лап уносясь из холодной. Затем они скрылись из поля моего зрения. А спустя пару минут вернулись, частично приняв звериное обличье, и – направились в мою сторону!

В тот момент у меня сердце снова чуть не остановилось, я улепетывала по-пластунски, усердно работая лапами, даже не задумываясь о том, что раньше на четвереньках передвигалась разве что в раннем детстве. В тот день меня погоняли по лесу на совесть, но я смогла уйти от преследователей по ручью. Желания сближаться с местным обществом после кровопролития в переулке, смерти Андрея да и своей собственной даже мимолетно не возникло. Разговор оборотней над моим остывающим телом… Не знаю, но довериться любому серому стало равносильно самоубийству.

Благодаря тому, что моей второй сущностью стала рысь, я неплохо лазала по деревьям и поэтому частенько спала среди ветвей, пока с непривычки не свалилась вниз, когда рядом ухнул филин. Пришлось обустраиваться в норе, присмотренной для себя с южной стороны города, поближе к Великой Стене и подальше от морга.

Лишь спустя несколько дней, когда после ягод и кореньев от голода покачивало, я решилась на вылазку в город и с тех пор успешно избегала близкого контакта с его жителями.

Город, в котором, будучи тенью, я использовала все доступные способы познакомиться с этим миром, особенно с его изнанкой, назвали без затей – Песочный. Видимо, причина та же, что и за куполом, – крупнозернистый песок. Дважды тайком наблюдала жестокие «развлечения» серых. Однажды стая волков не поделила юную волчицу с крупными кошками. Шерсть и кровь летели по сторонам, а довольная обольстительница, прислонившись к стене точеным плечиком, с высокомерной ухмылкой взирала на «бои без правил». Не трудно догадаться, что семейства псовых плохо уживаются с семействами кошачьих, прямо как у нас собаки с кошками. Правда, ни те, ни другие были не прочь завести интрижки с женщинами условно враждебного вида.

Дети оборотней в смешанных браках похожи на одного из родителей, потому что звериная сущность ребенка сама определяет: кошачий характер или псовый в нем заложен. А вот бывают ли браки между магами и перевертышами, пока не узнала. Но на улицах такие пары я еще не видела.

Зато среди оборотней довольно много разных видов: плотоядных и – вот так неожиданность! – вегетарианцев. Последние обитают в нижних кварталах Песочного тесной дружной общиной, держат лавочки, различные кафешки и исправно платят «налог» за защиту, заключая контракты с какой-нибудь из сильнейших группировок хищников.

Территория города поделена на секторы, которые находятся под протекторатом различных кланов, магических ковенов, стай или банд-группировок. И не приведи нелегкая, если чужаки затеют авантюру или что-нибудь запрещенное не в своих кварталах и попадутся.

В этом мне пришлось убедиться во время второй стычки, когда любопытство перевесило опасения, и я, спрятавшись в тени козырька дома, наблюдала за выяснением отношений между магами и кровососами. Вампирам, решившим ограбить банк на чужой территории, не поздоровилось: шаровые молнии и голубые стрелы летали вокруг с завидной силой и регулярностью. Грабителей сожгли заживо, а я таращилась на расправу и наконец-то мстительно радовалась, не в силах оторвать взгляд от жуткого зрелища. Андрей мне будет сниться до самой смерти.

Шастая ночью по крышам, я иногда наблюдала за воришками, тщательно скрываясь от них, и отметила интересный факт: на всех окнах и дверях изображены знаки магической защиты. Поэтому для проникновения внутрь домов или квартир воры использовали артефакты или амулеты. Из-за этого обстоятельства мне никак не удавалось разжиться одеждой. Хорошо, пока лето – могу и обнаженной в лесу, сменив облик, тихонько поболтать сама с собой, чтобы помнить кто я есть. И, как следствие – усугубить апатию и ощутить бескрайнее одиночество.

Домашняя девочка Ксения Зацепина, которую с рождения родные холили, любили и буквально купали в заботе, коллеги уважали, друзья ценили, разом лишилась положительных эмоций и чувств. Всего лишилась. Даже цели в жизни и желания жить.

В очередной раз закончилась еда, и я уныло поплелась в город, где, бесшумно ступая грязными мохнатыми лапами по каменной мостовой, скорее, по привычке пряталась, чем боялась чего-то. Мой предел наступил.

Странным образом я оказалась у знакомого до боли места перехода в Сумеречный мир. Замедлилась. Остановилась. Внутри все ухнуло вниз от четкого осознания: хватит, достаточно. Сил больше нет жить так. Стена мерцала, призрачные лики мелькали то тут, то там, стремительно растворяясь в энергетическом поле. Я неожиданно позавидовала: они там вместе, а я тут – одна. Сердце сбилось с ритма, почувствовав зов родственной светлой магии. Ноги сами понесли меня к мерцавшей в темноте Стене, несмотря на исходящее от нее напряжение, шаг за шагом чувствовавшееся все сильнее. Затем пришло неприятное, даже болезненное ощущение – это моя обретенная «серость» протестовала, кричала об опасности. Мутация не «понравилась» куполу. Меня словно отгоняли, отталкивали, но я шла через силу – душа, вопреки внутреннему сопротивлению, рвалась к своим.

Желание присоединиться к неприкаянным призракам стало непреодолимым, насущным. У серых мне точно делать нечего. Но в этот момент «муть» разошлась, очистилось «окно», в которое я увидела родной город. Там так же горели фонари, разгоняя ночной сумрак. На одинокой скамье возле монумента защитникам светлого мира, держась за руки, сидели – мои родители. Не веря своим глазам, какое-то время я просто наслаждалась их присутствием почти рядом. Смотрела на них, а они обреченно, тоскливо вглядывались в улицы Песочного.

Родительские глаза, в которых навсегда поселилась печаль… Мое сердце сжалось, словно в тисках. Я судорожно оглянулась: никого, к моему везению, серые Стену не жалуют вниманием. Подобралась к ближайшим к Стене кустикам, залезла в них и сменила облик. Прикрывая обнаженную грудь одной рукой, я раздвинула ветви и усердно замахала родителям другой.

Первым меня заметил отец, вздрогнул, прикрыл глаза на мгновение, потом снова открыл и вперился в меня, как будто я чудо. Собственно, так и есть. Папа дернул маму за руку, привлекая ее внимание ко мне, а я улыбнулась и замахала еще усерднее.

Сумасшедшая радость, отразившаяся на лицах дорогих сердцу людей, согрела душу, почти обожгла. Теперь родители, боясь пошевелиться, чтобы не привлечь внимание церберов, не отрываясь и не моргая, смотрели на меня. А я демонстративно сменила ипостась, показывая, кем являюсь теперь. Задорно подпрыгивая и задрав хвост, прошлась туда-сюда, потом вновь залезла в кусты и вернула себе человеческий облик. Нам удалось еще с полминутки порадоваться

встрече. Какое счастье – увидеть друг друга и узнать, что мы живы-здоровы. Потом, когда призраки скрывали окно, я успела помахать на прощание рукой.

Теперь во мне забурлила жажда жизни, появился стимул жить. Я должна, теперь я обязана выжить, чтобы мама и папа не беспокоились обо мне, вернее – не горевали. К этому месту я буду ходить, как заключенные на свидание, словно на праздник.

Нагишом махать руками, разочек, может, и сойдет, но во второй – вызовет недоумение и вопросы у родителей. Значит – мне нужна одежда. И вообще, настала пора менять ситуацию под себя.

Глава 7

Сумка в зубах, в этот раз забитая под завязку; сердце стучит от бушующего в крови адреналина – воровством я занималась впервые; лапы упруго отталкиваются от земли для очередного прыжка.

Привычно запутывая следы, кружась по лесу, я добралась до своей норы. Воровато оглянулась, прислушалась, повела носом – никого. Сменила облик и в предвкушении вытряхнула добычу на траву. Совершенно случайно в мансарде сушили выстиранную одежду и забыли закрыть окна. У меня руки затряслись от напряжения, когда вспомнила пережитый на том чердаке страх, а стыдно-то как до сих пор, даже щеки загорелись. Я теперь не только бомж. Воровка. Кошмар!

На зеленой траве контрастно выделялся симпатичный черный спортивный костюм, наверное; серые матерчатые, напоминающие кеды туфли, пережившие явно не один сезон, пылившимися в углу обнаружила; скрепя сердце, пришлось и белье чужое «одолжить». Еще там сушились парочка футболок, белая маечка на бретельках и черная юбка до колена.

Старомодное нижнее белье я перестирала и развесила на ветки. Выдернула из красивых розовых трусиков узенькую атласную ленточку, чтобы завязать волосы в хвост на макушке. Затем сама вымылась в ручье с песком до скрипа.

На следующий день, одевшись, я отправилась в город. Впервые в человеческом облике! Там, будучи не в курсе, отчего на меня оглядывались некоторые прохожие, начала трансляцию благодушия. Реакция пошла сразу, теперь все, кто попадал в поле моего воздействия, начинали улыбаться, замедляя шаг.

Храбрости у меня хватило только на то, чтобы пройтись по ближайшим улицам. Я разглядывала витрины лавок, кафе, дома, в надежде найти работу. Вдруг кто-то ищет… да хоть кого. В данный момент я готова занять любую должность, даже поломойки. Сейчас главное – начать зарабатывать деньги, а то зима придет. Нужно искать нормальное жилье, одежду; и еду не воровать или таскать из мусорок ресторанов, а покупать и готовить самой. После встречи с родителями меня мучил жгучий стыд за месяц апатии, смирения и недостойные поступки.

Через три дня запасы еды закончились, а снова идти на мусорный промысел не хотелось до тошноты. Обследование ближайших кварталов не дало результатов. Стоило заикнуться о работе с полным пансионом, мне отказывали, виновато улыбаясь, несмотря на активный посыл расположения и добродушия. Сообразив, что район у Стены считается не только не респектабельным, но и не самым благополучным, я решила поменять место поиска.

Возможно, мне повезет в нижнем районе, где обитают оборотни-вегетарианцы. Пока я видела четырех представителей неплотоядных: белок, зайцев, ежей и даже оленей. В знакомых мне кварталах они встречались не часто, ходили группами или под охраной хищников.

Как-то раз крепкий высокий парень, державший за руку рыженькую миленькую девушку, не сдержался, когда один из проходивших мимо мужчин отпустил пошлую шутку в ее адрес. В результате дорогу нахалу перекрыл красивый олень с устрашающими рогами, чему я была свидетелем. Удивилась несказанно, даже лапой по-человечески глаза потерла, решив, что привиделось. Ведь каждый светлый знает: серые перевертыши – плотоядные звери и жрут людей. А тут… травоядный… олень! А когда подруга рогатого обернулась огромной рыжей белкой да заверещала на всю округу, незадачливый пошляк быстро ретировался. Вегетарианцы – причем белка верхом на олене с одеждой в лапах – гордо удалились. Я еще несколько долгих минут провожала их взглядом, не в силах поверить в реальность происходящего.

Наверное, именно благодаря таким инцидентам, случавшимся на улице, апатия не поглотила меня полностью. Лучик надежды пробивался в сером царстве, подобно свету маяка, прошивающему туман и ночную тьму.

Собрав пожитки, я покинула нору в поисках лучшей доли. Приноровившись использовать светлый дар, я, наконец, стала более спокойной. Добравшись в намеченный для поисков район, облюбовала чердак бесхозного, заброшенного здания. Внизу нашлась колонка с водой – вот древность-то! – порадовавшая неимоверно. Как и пекарня с небольшим кафе, расположенная через два дома, откуда доносился вкусный запах свежего хлеба, ванили и корицы. Идти на разведку я решилась ночью: надо изучить территорию, прежде чем соваться на улицы и стучаться к хозяевам домов.

Спустя еще три дня меня шатало от голода; работы по-прежнему не находилось – незнакомка, напрашивающаяся на полный пансион, здесь тоже никому была не нужна. Отчаяние вновь душило надежду.

Дождавшись момента, когда стемнело и в большинстве окон погас свет, я на подрагивающих от слабости ногах возвращалась «домой» мимо пекарни. Чудный аромат сдобы, доносившийся из открытого окна, будто приглашавший: «Иди ко мне, здесь много вкусного, а ты голодная, как кровосос», манил неотвратимо. Немного потоптавшись напротив вожделенного заведения в сомнениях – воровство претило, но голод заглушал внутренние запреты – я все-таки решилась на очередной поступок.

Спрыгнув с подоконника, я оказалась на кухне. Слезы сами собой потекли по щекам – здесь было почти как у мамы в ресторане, где она учила меня готовить, считая, что для любой женщины это важно. Голодными глазами уставилась на румяный, аппетитный каравай, выглядывающий из-под белой салфетки. Рядом стояло блюдо с горкой шанежек и ковшик с квасом (тонкий кисло-сладкий аромат щекотал ноздри). Схватив шанежку, чуть ли не целиком запихнула ее в рот, урча от удовольствия. Пусть я рысь – хищник – но по сути своей, скорее, травоядная.

Когда я запивала квасом уже третью булочку, с грохотом распахнулась дверь, и на кухню ворвалась колоритная парочка. Первым – мужчина в полосатой пижаме, вооруженный сковородкой (откуда взял только?). Следом за ним – потрясая скалкой, женщина в светлой ночнушке по колено, не особо скрывающей полные округлые формы.

У обоих короткие жесткие волосы, торчащие в разные стороны, не то со сна, не то из-за экстремальной ситуации. Черты лица мелкие, носики выдающиеся и остренькие. Чем-то воинственная пара на ежей смахивала.

Хозяева заведения, надо полагать, вперившись в меня глубоко посаженными темными злыми глазками, остановились у порога. Они явно боялись подступить ближе и в то же время, потрясая «холодным оружием», с угрозой рыкнули:

– Во ворье дает…

– Ты куда залез-то?.. – затем, разглядев меня, «ежик» поправился. – Залезла? Мы под верховым Марком работаем, так что…

Я с трудом проглотила прожеванный кусочек, после чего, поставив ковшик на стол, извинилась, вновь начиная транслировать расположение и спокойствие:

– Господа, простите меня, пожалуйста, я отработаю, если позволите.

Но, видимо, плохо у меня получилось.

– Отработает она, умница нашлась, – гневно прогундосил мужчина, – теперь не на кухню, а сразу в кошелек полезешь?

«Ежиха» пристально рассматривала меня, поджав узкие губы. Потом опустила скалку, а я, не сдержавшись, разревелась и осела на пол возле стола, пряча лицо в руках от стыда и отчаянья.

– Мне все равно некуда идти, сдавайте меня вашим стражам, верховым, да кому угодно…

– А мы так и…

– Подожди, Меркул, – неожиданно спохватилась женщина, положив ладонь на плечо мужа, и спросила у меня: – Ты кто такая? И как… докатилась до воровства хлеба?

Всхлипывая, я начала рассказывать, и через несколько минут уже сочувствующая мне парочка, устроившись рядом на полу, поддакивала, возмущаясь подлостью и кровожадностью вампиров, не забыв пройтись «добрым» словом по традициям светлых, откровенно жалея меня. Вегетарианцы посетовали и озабоченно поцокали языками, узнав, что перед ними хищница, но успокоились, услышав о моих вкусовых предпочтениях. Другими словами, я эмоционально купалась в их участии и душевном тепле.

– А где ты сейчас прячешься? – поинтересовался Меркул.

– В двух домах отсюда, на чердаке заброшенного здания…

– Клянусь дрожжами, – взволнованно выпалила Меланья, как эта женщина-оборотень представилась, – ты с ума сошла, там же отбросы всякие собираются. Да вампиры свою добычу таскают, когда забредают на нашу территорию. Нехороший тот дом, да все брошенные – темные места. Туда лучше носа не совать.

– Кто же знал, – испугалась я, живо представив последствия подобной встречи.

– Да куда уж тебе, светлой, о нашем мире знать, – добродушно усмехнулся Меркул. – Но ничего, потихоньку обживешься, узнаешь.

Плечи сами собой понуро опустились: кто мне рассказывать будет? Тут пока вопрос о выживании стоит…

Мои печальные мысли прервала все подмечающая Меланья:

– Мы в этом году двух дочек замуж выдали за хороших работящих ежей, – женщина не могла не похвастаться, – а сейчас сбиваемся с ног от нехватки рабочих рук. Да и комнаты девчонок свободны, в одной можешь поселиться, – я с отчаянной надеждой, не смея поверить в собственное везение, подняла взгляд на благодетельницу, а она добавила уже строго: – Только уговор: никакого воровства, работать будешь наравне с нами, без отлынивания.

Моя радость была настолько сильной, что буквально затопила супружескую пару. Оборотни улыбались, прямо-таки млея от счастья. Но видимо, испытав

восторг в наверняка не очень-то характерных для него обстоятельствах и по сомнительному поводу, Меркул заподозрил подвох, потому что слегка нахмурился и осторожно спросил:

– А какой у тебя дар?

Я смутилась, ведь догадаются, что вначале я пыталась расположить их к себе, если почувствовали, конечно, но ответила честно:

– Эмпат я… двусторонний. Воспринимаю чужие эмоции и чувства и могу передавать свои. Второе после оборота усилилось, до этого совсем слабеньким было, поэтому только учусь контролировать и применять.

Вопреки моим опасениям, работодатели оживились, выслушав новость.

– Эх, светлая, ну и сильна же ты, я такого счастья давно не чувствовал, – признался Меркул, почесал над ухом и азартно выдал. – Знаешь, я тебе жалованье повышу, если у прилавка такая же душевная обстановка будет…

– Я постараюсь! – выпалила, едва сдерживаясь, чтобы не вскочить и не запрыгать от счастья.

Вот повезло!

Глава 8

– А что это ты делаешь? – выглянула из-за моего плеча Меланья, когда я вытащила из печи противень.

– Легкую закуску, – отозвалась я, заворачивая в тоненькую лепешку сыр, зелень и копченую рыбку. – С детства ее люблю. Мамуля – шеф-повар – часто баловала меня вкусняшками, когда я вертелась у нее под ногами. Такие рулетики можно делать с разными начинками, получается очень вкусно, сытно и полезно.

– Хм-м… – Мели, как ее ласково, по-домашнему, зовет муж, взяла очередную лепешку, ловко скрутила рулетик, порезала и один кусочек решительно отправила в рот. Прожевала, приподняв бровки домиком, довольно улыбнулась: – М-м-м… на самом деле замечательно и не сложно. Давай введем и это блюдо в наше меню.

– Я рада, что вам понравилось, – мягко улыбнулась здешнему шеф-повару.

В течение недели я ненавязчиво и аккуратно, чтобы не обидеть, делилась со своими нанимателями мамиными рецептами, стараясь помочь, хоть чем-то отплатить за доброту и щедрость. Стоило Мели увидеть мои жалкие пожитки, она вытащила из гардероба оставшуюся от дочерей одежду и предложила мне. Ношеную, конечно, но добротную, красивую – и ни в коей мере не жалкие обноски.

Я, как маленькая, радовалась незатейливым подаркам, сделанным от чистого сердца, особенно новой зубной щетке (зубы здесь чистят порошком из коробочки), щипавшему глаза шампуню и душистому мылу. А какое счастье мыться в ванне! В первую ночь в уютной комнате на втором этаже, лежа на белоснежных, накрахмаленных по старинке простынях, я долго не могла заснуть. Сначала плакала от переизбытка чувств, потом тихо наслаждалась ощущением дома. И не страдала от одиночества.

Семейство ежей, как сразу верно догадалась, приютивших меня, повадками и в «не звериной» жизни, если так можно выразиться, оказалось похоже на этих забавных животных. За неделю я научилась различать, кто из супругов семенит по коридору. Если что-то не получалось или раздражало, оба смешно морщили острые носы или шипели. А уж если их подводил нерадивый поставщик, то короткие жесткие волосы угрожающе топорщились, подобно настоящим иглам. Но в целом Мели с Меркулом – доброжелательные и приветливые оборотни, от которых исходило море спокойствия и душевного тепла. Что меня, как эмпата, согревало и располагало к ним.

– Ксень, я зачем пришла-то, здесь сама закончу, а ты иди в зал, Насте помоги. Там сейчас наплыв покупателей и желающих пообедать, и пара хищников пришла. Сидят, а зайчонок боится их обслуживать, – озабоченно попросила Мели.

В «Пекарне Зотовых», помимо самих Зотовых и теперь меня, работает официанткой Анастасия Мельникова – оборотень-заяц, миловидная блондинка, серьезная, работящая, но слишком пугливая. Стоит ей занервничать – начинает по-простецки шмыгать курносым веснушчатым носиком, что ее совсем не красит.

Вот и сейчас, выйдя в небольшой уютный зал со столиками, накрытыми симпатичными клетчатыми скатертями, я отметила, что все места заняты – обед в самом разгаре, а Настя испуганным изваянием замерла возле двух молодых поджарых, невысоких мужчин. Те активно флиртовали, а официантка на взводе и вот-вот даст стрекача.

Так и есть: девушка резко развернулась и едва ли не бегом ринулась к стойке.

– Какие наглецы, нет, ну невозможные наглецы! – прошептала она на ухо мне, подрагивающими руками расставляя на подносе тарелочки с заказанной едой и чайничек с чаем.

– Да? А мне показались смирными, – недоуменно шепнула я в ответ и поделилась своими наблюдениями, – особенно рыженький помоложе. Он явно неравнодушен к тебе.

Настя округлила карие глаза, поморщилась и сердито просветила меня:

– Конечно, неравнодушен: лисы вообще-то зайчатину очень любят. А эти, – осуждающе сверкнула глазами в сторону проблемных посетителей, – еще и бабники известные к тому же.

Я насмешливо хмыкнула. Демонстративно проявляя негатив к тем хищникам, девушка не то запамятовала, что я «читаю» ее эмоции, словно открытую книгу, не то стеснялась признать, что рыжий оборотень ей понравился, хоть и напугал до дрожи.

Работая в пекарне, я выяснила у владельцев интереснейший факт: эмпатия – дар исключительно светлой магии. В сумеречном мире подобных почти нет, ведь умение воспринимать чужие чувства, эмоции связано с сопереживанием, со способностью принимать часть чужой душевной боли. К чему серые не расположены ввиду своей магии, к которой у большинства мутантов есть

способности, или звериной сущности, или жажде крови, когда воспринимаешь разумное существо как еду, а не равную себе личность. В общем, такого брата по духу здесь единицы – потомки тех, кто «провалился» сквозь Стену. Поэтому местные жители закрываться от эмпатов не привыкли и не умеют. От менталистов мысли прятать – это одно, а чувства – совсем другое.

С одной стороны, такая новость меня удивила и порадовала: уникальной рысью стала, и в дальнейшем вполне пригодится такой дар, а с другой – напугала. Мало ли кого мои способности заинтересовать могут. Поэтому применяла я их весьма осторожно, незаметно.

Пожалев растерянную Настю, я подхватила поднос и решительно направилась к лисам. Рыжие парни смерили меня заинтересованными, любопытными взглядами и привычно, как другие завсегдатаи «Пекарни Зотовых», спросили:

– Новенькая?

– Старенькая, – спокойно ответила я, добавив чуточку больше равнодушия в общий эмоциональный фон.

– А откуда? – не сдавался «Настин» Рыжик.

– С севера, – выложила я заранее обговоренную с ежами легенду, деловито составляя тарелки на стол.

Меркул посоветовал место рождения «на севере» говорить, потому что чаще всего кланы рысей именно там и обитают. Даже не разобралась пока, насколько мне повезло выбрать эту сущность. Рыси не очень общительные; живут, где холоднее, подальше от городов и скопления народа, по той причине, что приручить незлобивых, по сути своей добрых, покладистых, привязчивых кошек – дело нехитрое. А из-за этой особенности вид чуть не исчез: каждый сильный хищник-перевертыш не прочь заполучить ручную кошечку в пару, часто не спрашивая согласия или попросту воруя из кланов, в конечном итоге уменьшая численность. Поэтому рыси обособились и не пускают на свои территории нежелательных чужаков, случается – убивают еще на подступах.

Полученная от ежей информация о соплеменниках заставила меня задуматься о переезде на север, под защиту одной из таких общин, но в данный момент – это

всего-навсего предположение. Чужачке из светлого мира надо знать куда, на чем и за что, в смысле, сколько денег потребуется, чтобы добраться до рысей. Еще, как «прибиться», а то – примут ли?

– От тебя кошечкой приятно пахнет, – вкрадчиво заметил второй любитель зайчатины.

– А от вас – нет, – равнодушно ответила лису и неторопливо, спокойно направилась обратно.

Обслуживая других посетителей кафе, я ловила на себе их любопытные взгляды и одобрительный – Меланьи. Мы становились неплохой слаженной командой. Мне было комфортно с ними, и чувство уверенности в будущем появилось.

Сияющая Настя подошла к стойке и аккуратно положила часть денег в баночку с чаевыми, а остальные – в кассу.

– Не жадный, хоть и лис, – тихо заметила она со смущенной улыбкой.

– Разве за лисами ходит слава скупердяев? – насмешливо поинтересовалась я.

Зайчиха – добрая, серьезная, но несколько наивная девушка, поэтому, даже не задумываясь, отчего я элементарные вопросы задаю, ответила:

– Они свои деньги с великим трудом отдают. Только если действительно надо, но взамен всегда стараются получить что-то подороже или получше.

– Значит, ты ему однозначно приглянулась, раз он тебе целых три алтына чаевых дал. Почти половину суммы заказа, – приободрила я девушку, не забыв между прочим обронить: – Или лисы непостоянные, из-за этого сомневаешься?

– Нет, они-то как раз постоянные, – улыбнулась Настя и неожиданно едко добавила: – Ветреность – слишком дорогое удовольствие.

Так, подтрунивая над собой и посетителями, мы завершили рабочий день. Вечером, убравшись и присев с хозяевами за общим столом ужинать, я невольно отметила про себя, что спокойна, расслабленна и настроена позитивно. Почти

как раньше – дома, с родителями… Стоп, грустить нельзя – апатия тут как тут, поджидает, поэтому принялась расспрашивать ежей о новом, но, оказывается, не столь ужасном мире. Особенно когда ты не один.

* * *

– Знаете, если нанять разносчика, можно доставлять наши закуски и выпечку на дом или в конторы заказчикам, – осторожно предложила я хозяевам. – У нас уже давно практикуется такая услуга и пользуется спросом.

Меркул, попивая чаек, читал газету, но, услышав коммерческое предложение, задумчиво посмотрел на меня.

– Если постараться, увеличить производство мы в состоянии, – неуверенно заметила Мели.

– А зачем? – пожал плечами ее супруг. – У нас тогда будет не жизнь, а сплошная работа. Ни отдыху ни продыху.

Мели улыбнулась, наклонилась над столом и погладила любимого ежа по плечу, соглашаясь с ним. Затем мне пояснила:

– Хорошая задумка, но не для нас. В свое время мы много сил вложили в дело, потом детишек родили, старшая скоро внуков нам подарит. Если начнем расширять дело – времени на семью не останется, а…

– …Нам достаточно и тех доходов, что получаем сейчас, вполне, – закончил мысль Меркул.

Смущенно улыбнувшись, я пояснила, извиняясь за неуместное, как вышло, предложение:

– Просто у нас по-другому. Все спешат жить, хотят зарабатывать, чем больше, тем лучше, подчас забывая не только о семье, но и о себе.

– Деньги – это хорошо, конечно, лишний алтын еще никому не помешал, но здесь высовываться может позволить себе тот, у кого потом хватит сил отстоять заработанное. Сейчас у нас небольшое предприятие, не привлекающее внимания, а если значительно расширимся, могут возникнуть проблемы… – поморщившись, честно ответил глава семейства.

– А что у вас еще не так? – опередила меня с вопросами не менее любознательная Мели, сверля меня темными умными глазками.

– У нас для связи используют телефоны, а у вас – амулеты магические, – начала перечислять я. – И хотя разница большая: одни – дело техники, а вторые – магии, но, увы, оба постоянно требуют подзарядки и вырубаются в самый неподходящий момент, – уныло закончила.

– Мы видели сквозь Стену, что у вас все из металла и стекла. Ужас, как вы живете в таких условиях? – фыркнула оборотень.

– У нас же нет слишком чувствительного, привередливого обоняния, как у оборотней, – рассмеялась я.

– Сдается мне, тогда вы обделены слишком многим, – сделала вывод ежиха.

Я пожала плечами, отметив ее слегка презрительный тон, – не вступать же в спор о том, о чем они понятия не имеют, а мне есть с чем сравнить. Но не заступиться за родину не смогла:

– Чисто физически – да, мы слабее вас. Но в моральном плане, духовном – сильнее.

Меркул отхлебнул остывшего чая, причмокнул и с иронией спросил:

– Должно быть, от большой души вас к призракам десятками посылают ежегодно?

Я открыла рот, чтобы возмутиться: чем они лучше… закрыла, но через пару секунд тихо ответила:

– Разумеется, наше общество не идеальное. Но защитники отдают души Стене во имя жизни людей светлого мира. В Крупнограде, за Стеной, правит закон, и по улицам я ходила, не боясь, что меня высосут досуха вампиры или сожрут хищники.

– В Песочном тоже можно ходить… – попыталась оправдаться Мели.

– Нет, – перебила я, – мы с Андреем бежали несколько кварталов, преследуемые стаей убийц, и никто, поверьте, никто не остановился помочь. Всем было все равно, что нас растерзают и… – я задохнулась от воспоминаний, глаза защипало от непрошеных слез.

– Разве у вас нет банд, которые не дружат с законом? Нападают на людей? – мрачно поинтересовался Меркул.

– Есть, но не так же, среди белого дня и…

– А в ночи – да? Ксения, я прав?

– У нас не жрут себе подобных…

– Не насилуют? Не убивают? Вы поголовно этакие белые и пушистые зайчики?

– Я не о том, я…

– И войн у вас нет?

– Есть, но не на нашем континенте. Уже почти тридцать лет относительно спокойно и…

– А мы пятьсот лет воевали, поэтому последние триста строим жизнь сызнова. Мы не ангелы, но законы соблюдаем…

– Какие законы? – удивилась я. – Где они прописаны? У нас есть Фатум – целый свод нерушимых правил для всех: не убивать себе подобных, не грабить, не…

– У нас тоже есть. Их защищают стражи…

– …которые, даже толком не проверив, умерла я или нет, отправили меня в морг.

– Здесь ты не совсем права, Ксенечка, – с нотками вины в голосе возразила Меланья, подключилась к все-таки начавшейся дискуссии на повышенных тонах. – Такие случаи, как с тобой, – единичные. Может и маг оборотнем стать, но для этого проводят сложнейшие магические ритуалы. И знаешь, я слышала: после них не всегда выживают… – голос ежихи стал тихим и таинственным, – перестройка организма, как наши лекари говорят, изменение генотипа. Вот! Поэтому немудрено, что девочку светлую бездыханную, да еще с разорванным горлом… сочли мертвой.

– Ясно, – понурилась я, признавая очевидное.

– Да, – пришел на помощь супруге Меркул, – кроме того, у нас есть советы городов и Мировой. Войны никто не допустит! – И заметно поубавив пыл, добавил: – А верховые следят, дабы на улицах закон соблюдался.

– Угу, а передел территорий не так страшен, как может показаться на первый взгляд, – неожиданно поддакнула Мели с легким сарказмом, заставив поморщиться мужа.

– А кто такие верховые? – вычленила я ранее прозвучавший термин.

– Верховые? – недоуменно поднял брови еж, а через секунду, вспомнив, кто я и откуда, улыбнулся, блеснув белыми мелкими зубами и маленькими клыками. – Это главы вампирских кланов или… группировок, контролирующих городские территории.

– Вампиры?.. – пискнула я в ужасе. – Вы сказали, что пекарня под защитой верхового Марка…

– Ну, да, – осторожно синхронно согласились супруги. – А что?

– Но как же так? Ведь получается, этот квартал принадлежит им? – кровь отхлынула от сердца. – Значит, в любой момент они могут заявиться сюда и

выпить любого?

Ежи сперва нахмурились, потом Меркул поспешил успокоить меня:

– Не все кровососы – необузданные дикари. Тот сброд, что охотится в верхнем квартале у Стены, – отбросы общества. Нормальные серые предпочитают близко к куполу не селиться.

– Почему? – удивилась я.

– Слишком сильный дискомфорт испытываем. Словно под дулом пистолета – того и гляди выстрелит, – вздохнула Мели, передернувшись. – Вообще-то, самые лучшие районы – у реки.

– И кто там проживает? – я буквально жаждала новых подробностей, тем более, туда я еще не добиралась.

– Многие… – пожала плечами рассказчица, поправив домашний цветастый хлопковый халат, – по большей части хищники. Там в основном псы да кошки территории между собой делят.

– А на чьей стороне перевес? – заинтересованно подалась я к ежихе.

Она пожала плечами, и ей на помощь привычно пришел муж:

– С переменным успехом. Чаще, конечно, кошки покрупнее верх берут, но среди них нет единства. Кошки, что с них взять, каждый хочет быть сам по себе.

– Не понимаю, что им делить? – удивилась я. – Жили бы в лесу… – вспомнив, что мои гостеприимные хозяева тоже оборотни, быстро поправилась: —…На природе, я хотела сказать. Там же и охота на дичь, и места больше, и… все такое, зачем в городские дебри лезть?

Супруги переглянулась, хмыкнули, и снова ответил Меркул:

– Ксень, мы хоть и звери наполовину, но тоже любим домашний уют, мягкую постель и свежеиспеченный хлеб. Мне вот нравится газету почитать, особенно

колонку с городскими сплетнями, а Мели смотрит по телевизору шоу «Догони и надкуси», весьма кровавое и смертельно опасное, знаешь ли. А она слюни пускает по победителям.

Я почувствовала, как у меня непроизвольно лицо вытянулось от предпочтений этой парочки.

– Ну скажешь тоже, слюни… – смутилась «любительница экстремального телешоу», шлепнув ладошкой мужа по предплечью. – Просто там та-акие горячие парни – грех не полюбоваться!

Откровенно забавлявшийся оборотень, не чуравшийся «желтой прессы», усмехнулся и продолжил серьезным тоном:

– Да, мы живем по принципу «кто сильнее – тот у власти», но поверь, девочка, если к силе ум не прилагается, быстро к ногтю прижмут. В лучшем случае. А в худшем – сожрут и не подавятся. За триста лет выработали простую, но весьма действенную систему противовесов, чтобы не было единоличных правителей. Считается, это развращает и убивает страх перед наказанием, расплатой. Сильные виды обладают многим, но и отвечают за тех, кто стоит ниже на иерархической лестнице.

– Что это дает лично вам? – я не смогла удержаться от «социального исследования».

– Нам? – Меркул пожал плечами, задумался. – Ну, например, я точно знаю: если меня ограбят, верховой обязательно найдет виновного. Иначе пострадает его репутация. Торговцы сочтут, что он зря занимает место. Кое-кто – что верховой слаб – и сам займет. Поверь, это никому не надо.

– А если на меня на улице нападут? – нахмурилась я.

– За улицы отвечают стражи, – не вытерпела Мели, стражи – ее тема. – Их набирают из разных стай, кланов, ковенов и прочих сообществ. Чтобы не было обвинений в случае проколов… как с вами, например. И содержат их за счет казны городского совета, куда входят все верховые, союз судий и представители торговой гильдии.

– Зарплату получают, а работу свою выполняют из рук вон плохо, – едко отметила я.

Мели несогласно покачала головой:

– Про вас был репортаж в вечерних новостях…

– …и в газетах писали, – поддакнул Меркул.

– Сказали, что обычно ваши жертвы Стене по утрам приносят, а тут – тишина. Ну стражи и решили, что ритуал из-за непогоды отложили на завтра. Разошлись, дел у них, честно сказать, невпроворот. Сама знаешь: «провалы» редко случаются, смысл ждать их… так, на авось. Вдруг целителю удастся проникнуть к нам… – почему-то виновато завершила Мели.

– Кровососам без разницы, где лясы точить, вот они вас и дождались, – мрачно добавил Меркул. – А наперерез стае вампиров кидаться только самоубийцы или стражи способны. Остальные стараются уйти с пути. Даже если крупный кот или волк попадется да решится помочь, против стаи выступить в одиночку – только очень сильному оборотню или магу под силу. А таких мало.

– Почему именно нас… ждали? – хрипло спросила я. – Ведь в городе десятки тысяч других… людей?

– Светлые, – спокойно пояснила Мели, поднимаясь из-за стола и начиная убирать грязную посуду, – говорят, кровь ваших магов для вампов слишком привлекательная и дает мощный всплеск удовольствия.

– А для остальных? – у меня мурашки от страха побежали.

– Сложно сказать, – она пожала плечами, – все зависит от способностей. Будь ты целительница, враз бы распри начались между кланами хищных оборотней. Непосредственно у них маги редко соглашаются работать – предпочитают частные клиники при ковенах, да цену дерут ого-го-го. А светлого бы никто спрашивать не стал.

– А эмпаты? – с облегчением спросила я.

– У нас таких почти нет, мы же говорили. Но мало ли, кому что в голову втемяшится… – начал было спокойно Меркул, потом мрачно добавил: – Но лучше тебе помалкивать о своей светлости и способностях. Поверь, умники воспользоваться твоим даром враз найдутся.

Мы еще немного поболтали о житейском и, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись спать. Несмотря на усталость, я целый час, наверное, лежала в кровати, глядя в окно на полумесяц. Но не баранов считала – вспоминала кровавую стычку, которую наблюдала апрельским вечером с «той» стороны. Брюнета-оборотня, дравшегося с пятью вампирами, причем отнюдь не с голодным сбродом, а матерыми убийцами. И если бы не коварная красавица-блондинка, плеснувшая ему на рану странную жидкость, дезориентировавшую его, наверняка бы вышел победителем и без моей помощи.

Что с тем серым стало потом? Кто он такой?

Глава 9

«Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу…» – упрямо шептала я, сжимая кулаки, не решаясь выйти наружу из кладовки.

С четверть часа назад к нам пожаловали вампиры. Выпить охлаждающего чаю – трудно даже представить! У Насти сегодня выходной, и в зале работала я. В первый момент даже не поняла, что двое невысоких, с виду хлипких парнишек – кровососы. Пока не увидела глаза с красной радужкой. Крылья вампирских носов затрепетали, когда те принюхивались ко мне.

Один из них, пшеничный блондин, клыкасто улыбнувшись, заметил:

– Детка, ты невероятно вкусно пахнешь.

– Поработайте на кухне и будете благоухать так же, уважаемые! – я привычно попыталась отшутиться, ошеломленная приходом гостей-кровососов. – Что изволите заказать?

– Тебя! – мерзко хохотнул второй – жгучий брюнет с перебитым носом.

– Я в меню не вхожу, – рыкнула я, едва сдерживаясь от оборота.

Видимо, мое состояние не осталось для них незамеченным. Блондинчик, примирительно подняв руки и выставив ладони, насмешливо посоветовал:

– Оу, детка, расслабься. Не надо нервничать. Успокой свою кису и принеси мятного чая, у Меланьи всегда хороший бывает.

Я механически кивала, на одеревеневших ногах отступая на кухню. В заторможенном состоянии передала заказ ежихе:

– Мятный чай, – и заодно поинтересовалась: – Неужели кровососы едят что-то помимо крови?

Мели, что-то напевавшая себе под нос, занимаясь пирогами, повернула голову, замерла, напряженно разглядывая меня:

– Мятный? Наверное, Броник пришел с другом? – я пожала плечами, а она продолжила: – Вампиры не едят твердую пищу, но могут жидкую… особенно когда ранены или нет… крови. А напитки – кому какие нравятся, разные: от алкоголя до чая с мятой. Марк, например, наш верховой, предпочитает топленое молоко с пенками.

– Я не пойду туда сейчас, – всхлипнула, не в силах сдержать дрожь от страха. – Я туда не пойду…

– Хорошо, хорошо, Ксенечка, иди обожди где-нибудь. Они долго не засиживаются…

– Они сказали, что я вкусно пахну, а если…

Мели, выглянув из кухни в зал, кивнула головой своим мыслям и, утешающе погладив меня по спине, шепнула:

– Девочка моя, не бойся, это Бронислав с другом. Шалопаи еще те, но довольно безобидные. Здесь тебя никто не тронет и на улице тоже, – она сунула мне в руки чашку с горячим чаем, усадила на стул и, подхватив поднос, посеменила обслуживать посетителей.

А я, услышав громкий мужской смех из зала, вздрогнув, юркнула в кладовку. Впервые ощутила свою рысь чем-то обособленным. Как будто мое сознание раздвоилось, и внутри, прямо в груди, завелся кто-то чужой. И пока я – человек – тряслась от страха, рысь настойчиво скреблась, желая выбраться наружу и сбежать от трусливой истерички, позорящей хищницу. Даже чашку с чаем держали почти пушистые когтистые лапы, а под юбкой бился короткий хвостик.

– Ксения, успокойся, я тебя прошу, – раздраженно начала Меланья, рывком открыв дверь, затем, отметив мой жалкий вид, умоляюще тихо пояснила: – Из-за тебя скоро все наши покупатели в панике разбегутся… или напьются с горя.

– Да-да, я сейчас, я…

– Так, срочно нужно поправлять дело, – озабоченно нахмурилась ежиха, тем не менее, вымученно улыбаясь. Откат моих эмоций и на нее, несомненно, повлиял. – Где у меня тут… – она зашуршала чем-то на полке, раздался щелчок, повеяло вишневым ароматом, и протянула мне рюмочку с ликером: – На-ка, Ксенечка, прими пятьдесят граммов на счастье.

Я залпом выпила, поморщилась.

– Что? – удивилась Мели. – Он же сладкий? И дорогой, между прочим, я его, только когда любимое шоу смотрю, принимаю как лекарство, успокоительное.

Нервно хихикнув, я призналась:

– Знаете, кроме пива, ничего алкогольного я не пью. Не люблю, да и не умею.

– Светлые, что с вас взять, – буркнул проходивший по коридору Меркул. – Даже пить не умеют.

Тем не менее, благодаря заботе доброй женщины, а возможно и ликеру, приятно разливавшемуся внутри теплом, я успокоилась, взяла под жесткий контроль свои эмоции. Глубоко вдохнув, вышла из кладовой, и мы втроем направились в зал. Супруги тихонько уговаривали меня больше не волноваться.

Увы, мои хозяева ошиблись. Стоило нам выйти к посетителям, Меркул резко толкнул меня с Мели в сторону с траектории летящего в нас стула. Я уставилась на оборотня-ежа, изумленно наблюдая, как менялось его лицо – вытягивалось, становилось более узким, звериным. Одновременно волосы превращались в колючие иглы, вылезавшие даже вокруг глаз и на лбу. Устрашающее зрелище!

А в зале тем временем творилось невообразимое: напугавшие меня вампиры сцепились с тремя парнями, выглядевшими гораздо серьезнее – магами, потому что с их рук срывались и летели в соперников голубые молнии. Потасовка стремительно набирала обороты, кровососы спрятались за столами, парочка соседей – зайцев, ежедневно приходивших за свежей выпечкой, – испуганно пища, ринулась к выходу. Трое завсегдатаев, до этого мирно обедавших, распластались на полу, закрыв головы руками.

Меланья, сжав кулаки, кричала, насылая на головы погромщиков прокисшую опару, с сожалением оглядывая перевернутую мебель, битую посуду, испорченные огнем скатерти и другое пострадавшее добро. Меркул кинулся на мага, попытавшегося добить раненого Броника, навалился ему на спину всем своим весом, чтобы не допустить убийства.

Не знаю, чем бы дело закончилось, если бы мне в голову не пришла подходящая идея. Я полностью раскрылась, представила родной дом, родителей, даривших столько тепла и счастья… Выпустила на свободу радость, умиротворение, любовь, которые испытывала сама…

Драка неожиданно прекратилась. Буквально несколько секунд назад вовсю кипели страсти. Грохот, злоба, крики, ругательства; раз – участники и зрители застыли, недоуменно оглядывая друг друга, а их лица… отражали самые разные эмоции, кроме негативных; вампирам и магам, кажется, даже стыдно стало.

Наконец, раньше других «отмерший» хозяин заведения, благодушно улыбаясь во весь рот, радостно рявкнул:

– Пошли вон отсюда, мои убытки оплатите, завтра пришлю счет, иначе будете отвечать перед верховым! – смысл сказанного совершенно не вязался со счастливой миной на его лице, еще покрытом кое-где иглами.

Участники драки, не менее довольно улыбаясь, надо думать, сами себе поражаясь, спешно покинули кафе. Прекратив «эмоциональную трансляцию», я устало выдохнула. Хоть и тренировалась ежедневно на посетителях кафе контролировать и совершенствовать свои способности, но настолько впервые разошлась.

– Спасибо, – с облегчением кивнули супруги Зотовы, поднимая с пола стулья и устало плюхаясь на них, затем приуныли, оглядев пострадавшее помещение. – Уборки теперь…

– Вот ироды, пожгли своими молниями, – чуть не плача, пожаловалась Мели, поднимая обожженную тряпку, бывшую несколько минут назад скатертью.

– Что случилось-то, скажите на милость? – осторожно спросила я, опасаясь, что виной происшествия стала сама, устроив дурацкую истерику.

– Очередная заварушка, – с досадой махнула рукой хозяйка, – тут рядом граничат территории Марка и ковена Забрежного. Верховые, конечно, следят за порядком, но у молодняка гормоны играют, и те частенько нарушают его, пытаясь доказать всему миру, насколько крутые.

– Я понимаю, но молнии прямо в доме… наверное, противозаконно? Сами же сказали, что ваша пекарня под защитой.

Меланья поморщилась, Меркул устало пожал плечами:

– Говорили, говорили… И с этим инцидентом разберутся кому положено. Напали-то не на нас…

– А если бы молния нас задела? Тогда что? – ужаснулась я.

– Во всем треклятый купол виноват! – буркнула Мели.

– В каком смысле? – не поняв логики, переспросила я.

– Светлые в Стену энергии столько вбухивают, что усиливается напряжение внутри купола. И хотя мы занимаем почти четверть континента, периодически, причем с каждым годом больше, здесь все дрожит от накапливающейся силы. Сила у наших магов бурлит, требует выхода. Вот и приходиться сливать… куда-нибудь, чтобы не перегореть. Подобные юнцы горячие – в драках, а вообще – в земледелии. У нас урожаи, даже на севере, два раза в год! – с гордостью просветил Меркул, откинувшись на спинку стула, и чуть завистливо восхитился: – Ты бы видела сады вокруг их домов – непроходимая чаща… Да им охранку ставить не надо, у них растения плотоядные любого вора примут с благодарностью…

– Силы небесные, что же у вас творится? – с отчаянием взвыла я. – Если вампиры не успели, то растения сожрут, или на улице маги сожгут ненароком!

– Ой, да что ты, Ксенечка! Такое редко бывает, в основном – тишь да гладь, да божья благодать, – улыбнувшись, спокойно заявила Мели, будто несколько минут назад не сама сетовала по поводу разгрома.

– Вы в бога верите? – озадачилась я, услышав старинную поговорку еще нашего общего мира.

– А как же? – поразились супруги. – Все под ним ходим, разве вера – привилегия только светлых?

– Ну… я думала… – виновато протянула, соображая, как бы подипломатичнее выкрутиться, чтобы их чувства не задеть.

– …Мы звери и прочее, – иронично закончила Мели, без экивоков выразив мою мысль. Улыбнулась хитренько и продолжила: – Нет, дорогая моя, верим. В разных! Стараемся законы их блюсти, но… сама понимаешь, не всегда получается. Хотя, если честно, безалаберные в основном городские. Староверы, например, которые в горах да лесах обособленными кланами живут, строго соблюдают. Не приведи дрожжи к ним в гости попасть.

– Почему? – удивилась я.

Но ответить мне не успели. Звякнул дверной колокольчик – и в кафе вошла целая делегация во главе с мрачным, жилистым, высоким мужчиной. Я взглянула на него и обмерла от полыхавшей в красных вампирских зенках силы.

– Ну здравствуйте, что ли… – прозвучал его неожиданно приятный баритон, вкрадчивый, но при этом вызвавший опасения.

– Здравствуйте, господин Марк, – приветствовал дорогого гостя Меркул, подхватившись со стула и спеша навстречу. – Вам уже доложили…

– Я случайно оказался неподалеку, господин Зотов, – соблюдая правила приличия, вежливо произнес главный в квартале вампир, медленно обводя взглядом сломанную мебель, прожженные скатерти, треснувшее окно и витрину, где красовались булочки и пирожные. Затем равнодушно посочувствовал: – Мне весьма жаль, что у вас неприятности. Зачинщики возместят вам ущерб и убытки за вынужденный простой.

– Может быть, присядете, господин верховой? – искренне улыбнувшись, любезно предложила Мели, чем несказанно меня удивила. – А то целый день, наверное, на ногах да в делах. Я вам молочка налью, как вы любите, с пенками и ребятам вашим – лимонаду холодненького. Нынче-то жара стоит несусветная. Город задыхается.

– Благодарствую, уважаемая Меланья. Не откажусь, – кивнул вампир, от чего его гладкие черные волосы до плеч еще больше закрыли узкое и благородное лицо, как ни странно звучит это определение по отношению к представителю вызывающей у меня исключительно негатив расы.

Он прошел к столу, за которым осталась только я, присел, непринужденно откинулся на спинку стула и положил ногу на ногу, демонстрируя темные льняные брюки и мокасины из тончайшей кожи.

Запоздало осознав, что, пока наблюдала за верховым Марком, эдаким барином, не лишенным определенного шарма, осталась одна с вампирами – Мели с Меркулом поспешили за напитками, я медленно встала и направилась с красных глаз подальше, во избежание повторения паники. Моя рысь затаилась, как мелкий хищник, в присутствии более крупного и сильного, а сердце стучало набатом в ушах.

– Как вас зовут, юное прелестное создание? – Марк театрально положил руку на стол и темными ногтями, слишком похожими на когти, постучал по столешнице. Звук, скорее угрожающий, плохо вязался с мягким вкрадчивым тоном, которым он витиевато обратился ко мне.

– Ксения, – сглотнув, ответила я, разглядывая его жилистое предплечье и кисть с чуть вздувшимися синеватыми венами на бледной до голубизны коже.

Вроде привычная человеческая рука и в то же время какая-то неправильная, словно принадлежит утопленнику.

Сбоку от меня скрипнули стулья: свита Марка, трое кровососов, расположилась за соседним столиком. Собравшись с духом, я предприняла отчаянный шаг: начала транслировать едва уловимое расположение, добавив сожаления и сочувствия.

Вампир, не меняя позы, будто подался всем телом ко мне, почти незаметно вдохнул, полуприкрыв глаза, и поделился:

– Я ощущаю вашего зверя и в то же время запах столь тонкий, вкусный… светлый…

Несмотря на летнюю теплынь, мне стало холодно в легкой блузке без рукавов.

– Мне многие об этом говорят, – сипло ответила я, из последних сил вымучивая беззаботную улыбку, сжимая подол своей зеленой юбки так, что чуть воланы не оторвала. – Я рысь из северного клана. Наверное, в моей родне затесался кто-то из светлых.

– Наверное… – бесстрастно, и от того пугающе повторил Марк, блеснув красными глазами, – …кто-то из самых ближайших родственников.

Я промолчала, шагнула в направлении кухни, но верховой вновь остановил меня:

– Надолго в нашем городе?

Пришлось опустить глаза, чтобы спрятаться от пристального красного взгляда и уклониться от дальнейших вопросов:

– Еще не решила, быть может, вернусь в клан.

– Бронислав, хоть и сильно пострадал в драке, буквально лучился счастьем и весельем. Впрочем, как и его друг, – Марк многозначительно помолчал. – Удивительно, учитывая их состояние после происшествия…

Не сдержавшись, я громко сглотнула: горло свело. А ногти даже через ткань впились в судорожно сжатые ладони. Думать сейчас о том, чем обернется для меня собственный дар, о котором догадывается правящий на этой территории вампир, было бы еще хуже, нежели находиться в непосредственной близости от него. Я тряслась от страха от одного факта: передо мной сильный вампир.

– Бывает… – тихонько выдохнула я, не смея поднять глаза на верхового.

– А вот и молоко, и лимонад, угощайтесь, пожалуйста, – прощебетала Мели, спешно выплывая с подносом в зал. Затем, покосившись на меня, тщательно скрывая беспокойство, распорядилась: – Детка, иди-ка помоги Меркулу.

Я с диким облегчением рванула выполнять приказ хозяйки заведения. Заворачивая за угол, услышала звонкую трель переговорного амулета. Один из вампиров с клыкастой благодарной улыбкой взял запотевший высокий стакан с подноса, отхлебнул и после принял вызов. Выслушав собеседника, мрачно доложил:

– Марк, зачинщиков нашли. Свои же поймали. Из ковена сообщили: на молодняк кто-то проклятье повесил, любой всплеск раздражения или неприязни вызывает ярость, а следом… жажду убийства. Видимо, пошутили неудачно.

– Да чтоб у них тесто не поднималось! Кто ж такие шутки-то дурные придумывает? – схватилась за грудь Мели, в который раз тоскливо окидывая взглядом разгромленный зал.

– Передай им, чтобы шутников, когда найдут, ко мне отправили. Сам решу, как с ними быть, – голос Марка звучал настолько равнодушно, безэмоционально, что

на миг показалось – мертвый говорит или машина.

Не зря наши священники ведут теологические исследования на тему: сохранилась ли душа у серых. В чем меня сейчас сомнения одолевают. Согласилась бы, что эта субстанция у жителей под куполом отсутствует, если бы не чета ежей, Настенька-зайчик и десятки посетителей, ежедневно приходивших в «Пекарню Зотовых». Мелкие ли хищники, вегетарианцы ли – всех воспринимала добрыми «людьми».

Выглядывая из-за угла, я наблюдала за должностными лицами органов местного самоуправления. Спутник Марка передал приказ шефа собеседнику и после закрыл крышку амулета. Это занимательное переговорное устройство заинтересовало меня сразу, как только увидела его в прихожей у ежей. С виду: зеркальце с крышкой, в центре кнопочка вдавливается. Открываешь – и легкая магическая подсветка освещает две зеркальные поверхности. На одной рисуется руна вызываемого абонента, а на другой – вызывающего. Проще пареной репы, остается запомнить и правильно воспроизводить руны. С первого раза было проблематично, но я научилась быстро и иногда делала заказы поставщикам.

Как хвалилась Мели, сейчас столичные умные головы создают нечто похожее на компьютеры светлого мира с подачи одного из жертвенных светлых с техническим образованием. По телевизору проект представляли, но когда внедрят – неизвестно. А на данный момент применяют допотопные, на мой просвещенный взгляд, механические устройства. В частности, счеты и громыхающую печатную машинку я тоже освоила, чтобы не привлекать к себе внимания – цифры я в уме быстрее складываю, со вторым устройством часок повозилась, тренируясь бумагу вставлять да каретку двигать. Бухучет – колонки записей в разлинованных книгах. Архаично, медленно, но надежно. Всякие хакеры и им подобные, безнаказанно ворующие средства с банковских счетов, остались за Стеной. Да и грабители банков здесь в тюрьмах не сидят, с ними разбираются в лесу, подальше от посторонних глаз, или прямо на месте – кому как повезет. Жестокий мир. Жестокие правила. Не хочешь соблюдать – отвечай.

Зотовы еще несколько минут пообщались с верховым, и тот наконец откланялся, вызвав у меня благодарную волну облегчения. Однако у двери он резко обернулся, даже шелковистые ухоженные волосы взметнулись, и поймал мой любопытный взгляд. Прищурив глаза, насмешливо ухмыльнулся, сверкнув белоснежными длиннющими клыками – у кровопийц, что меня рвали и пили, гораздо меньше были – снова испугав до потери пульса.

Марк кивнул, прощаясь, и вышел на улицу, залитую мягким, рассеянным облаками солнечным светом. А я сползла по стене, ноги больше не держали.

Глава 10

С наступлением последнего летнего месяца удушающая жара отступила благодаря прошедшим подряд проливным дождям, хорошенько промочившим землю и бесследно растворившим все признаки засухи. Чистенькие улицы радовали зеленой листвой деревьев и кустарников, урожаем яблок и груш, цветущими палисадниками возле домов с остроконечными крышами, частенько украшенными флюгерами с веселыми фигурками. Даже проезжавшие мимо чересчур пахнувшие жареными пирожками машины, сигналившие по делу и без, не портили августовской благодати.

Сегодня мне выдали зарплату за неделю или, как хозяева говорят, жалованье, и я, недолго думая, отправилась в лавку за обувью. По всей видимости, я преодолела состояние, когда не могла заставить себя выйти за порог уютного дома Зотовых из опасения в очередной раз столкнуться с жестокой реальностью. И все из-за вампиров! Но жизнь постепенно брала свое, и мне, чего греха таить, захотелось банального шопинга.

Возвращаясь с прогулки за покупками, я с удовольствием слушала, как стучат по гладким плоским камням мостовой невысокие каблучки моих единственных, новеньких, замшевых бежевых лодочек. Понравившихся и пришедшихся по ноге настолько, что я не удержалась от соблазна сразу пройтись в обновке. Настроение буквально зашкаливало; от радости хотелось обнять весь мир.

Встречая по дороге знакомых и нет оборотней, магов и даже вампиров, я уже не тряслась от страха, не сжималась и не порывалась прятаться. Впервые ощущала себя здесь своей, в законе, как торжественно заявила недавно Мели, сразу же не выдержав официального тона и расхохотавшись, когда мне выдали документы, «выправленные» в городском совете по ходатайству уважаемой хозяйки пекарни Меланьи Зотовой.

Добрейшая женщина соврала ради меня, написав в заявлении о «случайном уничтожении документов Ксении Зацепиной, путем их стирки в стиральной машинке». Держа в руках две заветные бумаги, я с минуту не могла поверить собственным глазам: из-за меня, в сущности чужого человека, законопослушные супруги пошли на преступление. Чтобы защитить, с их точки зрения, наилучшим образом. Увидев бегущие по моим щекам слезы, Меркул с Меланьей и сообщили, что отныне я могу снять или купить жилье, пожаловаться на домогательства стражам, потребовать защиты в случае угрозы жизни. Да много чего могу теперь, оказывается! И осознав преимущества своего легального статуса в этом мире и открывшиеся в результате возможности, я разревелась от счастья. Долго обнимала замечательных, расчудесных, обожаемых ежей и благодарила за помощь.

И вот, официально став жителем Песочного, мысленно напевая песенку, я шла от поставщика муки, к которому Мели попросила зайти на обратном пути. Невольно улыбнулась, смутившись, услышав восхищенный свист двух оборотней, припарковавшихся на противоположной стороне и откровенно пялившихся на меня. Пришлось прибавить шагу, чтобы не пытались познакомиться. К таким «подвигам» я еще не готова.

Осталось пройти квартал до пекарни, я завернула за угол на перекрестке и… буквально уткнулась в мужскую грудь. Ойкнула, отшатнулась, подняла глаза, чтобы извиниться за неловкость, и – замерла, в ужасе глядя в полыхающие красным глаза Марка.

– Ну здравствуй… Ксения, – голос верхового бархатом скользнул по моей коже, почему-то оставив ощущение холода.

Мало того, он ладонью скользнул по моей спине, прижав к своей груди, едва я дернулась прочь. К счастью, после того, как я снова замерла, ослабил хватку, затем, словно с неохотой отпустил… жертву.

– Извините, гос-сподин М-марк, – из-за вампиров скоро точно заикой стану.

– Это та самая занимательная кошка, что спасла твоего племянника? – раздался у меня за спиной жесткий, сухой мужской голос.

Вздрогнув, я резко развернулась, специально став спиной к проезжей части, где никого больше не наблюдалось. Сердце ухнуло вниз, когда я увидела задавшего вопрос мужчину с узким скуластым лицом и стального цвета глазами. Вполне симпатичный блондин, однозначно, оборотень, но моя рысь дала понять: перед нами хищник из крупных, конкретно из псовых, потому что пахло от него мокрой собачьей шерстью, пусть и едва ощутимо, но для меня – неприятно.

– Ты прав, мой друг, она, – усмехнулся Марк, от зубастой улыбки которого повеяло смертельным холодом.

Я умудрилась не сорваться с места и даже уловила их эмоции. Ничего хорошего: если у вампира ленивое любопытство и чисто «профессиональный» интерес, то с оборотнем шутки плохи – обострился азарт голодного хищника. Это моя рысь почуяла. Еще донеслись восторг и предвкушение, словно кладоискатель нашел указатель места захоронения сокровища.

– Ксения, могу ли я пригласить вас на ужин… сегодня? – тон вопроса, заданного оборотнем, больше напоминал приказ, невзирая на формулировку, и вряд ли подразумевал отказ.

– Я с незнакомцами ужинать не хожу, – более любезной фразы для отказа мне в голову не пришло.

Натянуто улыбнулась Марку, собираясь откланяться, но не успела.

– Хорошая девочка, значит? – усмехнулся настырный ухажер.

– Не мне решать, – тихо, но твердо дала понять, что общаться не намерена, сделав пару шагов в сторону. – Прощайте.

– Эрик Кель, верховой соседнего района, – представился оборотень. – Думаю, Марк не будет против, если я зайду к тебе позже, чтобы познакомиться поближе.

– Простите, господин Кель, но я не свободна, – ровным голосом отказала и торопливо ушла, не дожидаясь ответа.

За спиной остался целый калейдоскоп различных эмоций. Видимо, верховому Эрику сейчас не до незнакомки-рыси, но сбрасывать со счетов его интерес ко мне тоже нельзя.

Случайная встреча с влиятельными мужчинами испортила прекрасное настроение. Я снова шла, нервно озираясь по сторонам и глядя исподлобья. И новые туфли не радовали, и даже пара новенького нижнего белья, лежавшего в сумочке.

А все вампиры виноваты, во всем и всегда!

* * *

Вечером мне снова пришлось выйти из дома – чтобы повидаться с родителями. Уже в третий раз. После нашей первой встречи в июне, спасшей меня от самоубийства, я, запомнив дату, и в июле снова наведалась к знакомому месту. И сколько счастья выплеснулось тогда, стоило увидеть родные лица, – словами не передать! Зато подгулявшие прохожие прочувствовали, пустившись в пляс и горланя песни, пока я под нестройный аккомпанемент робко махала рукой, стоя напротив Стены, и плакала от радости.

С наступлением сумерек, взяв ту самую хозяйственную сумку, с которой пришла из леса в Песочный, я тихонько выскользнула из пекарни. Знакомым маршрутом добралась до окраины, нырнула в переулок, разделась. Одежду сложила в сумку и с ней в зубах потрусила к лесу, чтобы обойти опасный городской район по дуге.

Повезло! К заветному месту я подошла, снова сменив ипостась на человеческую, – хорошо одетой, приличного, надеюсь, вида девушкой. Оглянулась: никого, нырнула в кусты, спрятавшись от случайных прохожих, и, по-прежнему ощущая напряжение и сильный дискомфорт из-за близости Стены, замерла в ожидании. Увы, голубые «молнии» опасно сверкали, призрачные лики хранителей прогибали энергетическую Стену, злобно скалясь на меня и заставляя невольно отступать. Папу с мамой я видела мельком, издали. Родители, напряженно всматриваясь в пространство, искали меня глазами. А увидев, помахали руками в ответ. Мы попытались общаться жестами, но Стену опять заволокло мутной рябью. Светлые стражи не дремлют.

Тяжело вздохнув, понурившись, я поплелась в обратный путь. Сдерживая слезы, брела, не глядя по сторонам. Вот и поплатилась. Осталось завернуть за угол и пройти до конца улицы, что я и сделала, и – как утром, ткнулась в мощную мужскую грудь. Только облаченную не в тонкую дорогую сорочку, а в черную форменную стражей. Внизу я увидела мускулистые ноги в темных штанах с широким кожаным ремнем, на котором крепились не известного мне назначения чехлы. Легкие перфорированные ботинки, наверное, самого большого из существующих размеров. Сразу отскочить хозяин обуви «сорок последнего» мне не дал, надежно подхватив под спину.

Запрокинув голову, чтобы посмотреть, в кого угодила на этот раз, я уставилась в прозрачные голубые глаза, снисходительно, удивленно рассматривающие меня из-под длинной косой челки. Мужская шевелюра поразила цветовым решением: серые пряди перемежались с различными оттенками коричневого, словно полоски на шкуре животного. День сплошных «приятных» сюрпризов: к ночи я попала в лапы до боли знакомого стража, одного из трех, что в первый, самый страшный день в этом мире, опоздал к Стене и на пиршество вампиров. Того самого оборотня-барса, пролившего на меня свою кровь, на миг согрев остывающее тело, заодно переломав огромной звериной тушей оставшиеся целыми ребра.

Судорожно всхлипнув, я автоматически схватилась за его плечи, и попыталась отстраниться. Серые брови стража удивленно взлетели на высокий широкий лоб, он глубоко вдохнул, затем еще и еще раз.

– Рогов, ты чего застыл? Такая красотка сама в руки попала, а ты теряешься… – раздался веселый голос слева.

Я резко обернулась: второй страж, темный волк, прекрасно запомнившийся перед смертью, ухмылялся, глядя на меня.

– А он, наверное, слюной захлебнулся… от счастья, – раздалось флегматично-ироничное замечание справа.

Надо же, стражи, пытавшиеся спасти нас с Андреем, в полном составе. Струхнула до чертиков, ведь они видели меня в лицо, могут узнать, доложить куда следует. И неизвестно, что будет потом.

– Отпустите меня, – потребовала я, вырываясь из жесткого захвата.

Тщетно. Из лап этого огромного хищника лосю не выбраться.

Барс хмыкнул, наклонился к моей шее, напугав еще сильнее, – разорванное горло вряд ли когда-нибудь забудется – и жадно вдохнул.

– Рогов, ты решил повязаться прямо здесь? Посреди улицы, – продолжил дразнить стража волк.

Дальнейшее удивило не только меня, но и сослуживцев барса, который, услышав замечание, напрягся и, резко повернув голову к волку, злобно рыкнул.

– Ты чего? – удивился третий оборотень.

Я отчаянно затрепыхалась в руках стража, явно не желавшего меня отпускать, и прорычала:

– Отпусти. Больно же.

– Рысь? – ошеломленно уставился на меня Рогов, немного ослабив хватку. – Но это же невозможно…

– Да, рысь! – рявкнула я. Страх начал уступать место раздражению и злости. – Но это не значит, что меня можно лапать.

Огромный мужчина поспешно отдернул от меня руки, но заботливо поддержал, стоило мне от неожиданности пошатнуться. Снова убрал руки, нахмурился и задышал. Глубоко. Наверняка больше доверяя нюху, чем зрению.

– Это невозможно, – третий страж подошел почти вплотную к нам. – Я узнал тебя, светлая. В том переулке вас обоих…

– Не знаю, о чем вы, господа. Лично я вас вижу в первый и, надеюсь, последний раз.

– Вкусно пахнет кошкой – этого не подделать. Да и лик она на мгновение сменила, когда испугалась, – не унимался самый дотошный сотрудник «серых правоохранительных органов». – А та девочка несчастная, однозначно, была человеком, магичкой.

– Но эта… родная… – в полном недоумении прохрипел оборотень-барс. – А в моем клане нет и не было рысей.

– Помнишь, кого-то из наших в морг вызывали, мол, покойник удрал… – задумчиво произнес страж-флегматик. – Потом решили, что некроманты баловались, как всегда в итоге все списали на поддатого санитара и бродяжку.

Новость, что меня больше не ищут, обрадовала. Но в отместку я ощерилась на мужчин, которые слишком пристально рассматривали меня. Даже частично трансформировалась от злости, пока платье не затрещало по швам, а «лапы» сковала обувь.

– Значит, правда? – у волка, вытаращившегося на меня как на чудо чудное, от любопытства даже глаза загорелись желтоватым светом.

– Я в законе! – тщательно скрывая расстройство, прошипела стражам. – У меня есть документы.

– Котенок, как ты здесь очутилась? – вкрадчиво спросил Рогов, подняв руку и погладив меня по голове.

– Пусть лучше расскажет, как ухитрилась инициацию пройти без обряда? И выжить? – не унимался самый любознательный волк. – Наверное, ваша магия защитой сработала…

– …Вот-вот, Рогов же ее тогда своей кровью залил. Может кровь тоже как-то повлияла…

– …А яд вампиров катализатором послужил. Помнишь, Мериди рассказывал о подобном случае… правда, с серым магом, но все же…

– …Да, но там все равно обряд проводили, и маги процесс контролировали…

– Меня другое удивляет – она не барс, а рысь…

Горячий научный спор двух стражей привел меня в негодование, заставив лишний раз вспомнить трагические обстоятельства, предшествовавшие появлению второй сущности. Поэтому, не сдержавшись, я рявкнула:

– Видимо, меня смерть пожалела. Посмотрела, как вы там надо мной умирающей стояли с постными рожами и соображали, что делать… А суть рыси мне ближе других оказалась, вот я и выбрала именно ее, пока на том свете прохлаждалась.

– Котеночек, не переживай. Что бы ни произошло дальше, о тебе никто не узнает, я не позволю родича трогать. Тем более самку, – вкрадчиво, мягко пообещал Рогов, продолжая осторожно поглаживать меня по голове.

Он меня что – за малолетнюю дурочку принял?!

– Я вам не котенок! – отпихнула его руку.

Барс аккуратно перехватил мою кисть, словно я могла сама себе навредить, как ребенок, и твердо заявил:

– Девочка, для моего зверя ты котенок клана, родич. Сейчас идем ко мне, там разбираемся и…

Хорошо, что надела старые туфли – не очень жалко. Со всей силы двинула волка по ноге. Тот, скорее всего, не ожидавший от «котеночка» агрессии, обиженно взвыл, а я тем временем цапнула за руку барса, «ошпарила» их ужасом, чтобы фору получить, и бросилась наутек. Так быстро я еще не бегала. Но слыша жаркое дыхание погони, упрямо стискивала зубы, в полной мере прочувствовав, на собственной шкуре испытав, что значит рвать жилы и когти.

Повезло! Видимо, силы небесные упорно хранят меня. Уже который раз помогают скрыться, уводят у смерти из-под носа, посылают добрых лю… оборотней.

Домой – я считала пекарню таковым – приползла на рассвете, с особенной тщательностью заметая следы. Потом, лежа в ванной, чтобы унять боль в

натруженных мышцах, со слезами думала, как мне теперь хотя бы раз в месяц появляться у Стены, если существует угроза снова встретиться с новоявленным родственником.

Э-эх! Нельзя было настолько уходить в себя, мало ли что расстроилась… Бдительность терять недопустимо… Сил даже думать не осталось… вот завтра отойду… а то ни рук ни ног… ни лап… Уплывая в сон, традиционно обвинила во всем вампиров. И еще – оборотней! Некоторых…

Глава 11

– Ты сегодня выглядишь уставшей, Ксенечка, – не выдержала Мели, искоса посматривая на меня и украшая небольшой бисквитный торт розочками и листочками. – Плохо спала, заболела?

Вот стыдоба: обо мне волнуются, а я отмалчиваюсь, прокручивая в голове вчерашние события.

– К Стене ходила ночью, но увидеть маму с папой толком не получилось, – тяжело вздохнула я.

– Кто-то помешал? – участливо поинтересовалась ежиха, смешно наморщив острый носик.

– Хранители, – печально кивнула, – закрыли обзор, и нам только на минуточку удалось увидеться…

– Главное – родители знают, что ты жива и здорова! – ласково улыбнувшись, утешила она. – Уж поверь матери.

– Угу, – согласилась я и заодно решила выяснить. – Скажите, а бывает так, что у клана оборотней находится родственник, о котором раньше не знали?

– Наверное… – пожала плечами хозяйка дома. – Ведь всякое может случиться в жизни. Почему бы и нет?

– А новому родичу будут рады? Примут?

– Сложно однозначно сказать, – ответила Мели, закончив украшать тортик разноцветной карамельной посыпкой и отправив в холодильный шкаф. – Смотря какой родственник, я думаю.

Она выглянула в зал, убедилась, что Настенька пока одна справляется. Время обеда подходит, и потому я поторопилась со следующим вопросом, а то мало ли, когда еще возможность представится:

– Как вы считаете: хорошо или плохо жить в кланах оборотней?

– В каком смысле – «жить»?

– Э-э-э, быть частью клана, находиться под его защитой… – «уточнила» я, переливая из жбана в стеклянный кувшинчик квас.

– Тебе кто-то уже предлагал? – насторожилась Мели.

– Нет, я на будущее, вдруг предложат, – врать искренне опекавшей меня женщине было совестно, пришлось мысленно себе пообещать: обязательно о барсе рассказать Зотовым. Но сначала самой не помешало бы разобраться с новыми родственными связями.

Мели успокоилась, но задумалась над ответом:

– Понимаешь, в двух словах не скажешь: хорошо или нет. Смотря чьи кланы.

– Почему?

– Потому что у всех по-разному. В зависимости от особенностей каждого вида, традиций, обычаев. К примеру, о крупных кошачьих нехищные оборотни знают мало, сама понимаешь почему. О волках тоже. Кто не вхож в ту среду, может судить о них понаслышке, из газетных сплетен да из официальных новостей. Такая безобидная мелочь, как мы, в банды не входит, живет обособленно…

– Ну хотя бы самые распространенные сведения? – состроив просительную рожицу, я подхалимски уставилась на рассказчицу.

– Вот кошачье племя… – насмешливо покачала головой Мели и сдалась. – В основном оборотни держатся родовых кланов, но в городе может быть иная иерархия. Во главе стоит либо самый сильный и непременно хитрый, и умный, либо самый старший, тоже наделенный умом, хитростью и силой. Обычно не обладающие властью члены клана живут своими семьями, либо одиночками и платят налог за защиту в общую казну. У кланов свои территории, иногда целые городские районы или часть земель вокруг города, или на окраине…

– …А как же верховые и группировки? – не поняла я.

– …Или входят в крупные группировки, объединенные, как правило, коммерческими интересами. В них входят оборотни разных видов, чаще всего образуя большие банды со своими внутренними законами и правилами. Где жизнь вертится вокруг лидера. Есть и верховые во главе. Кстати, наш Марк давным-давно держит несколько кварталов под собой.

– Надо же… – от каких-либо комментариев я удержалась. Эмоции тоже держала под контролем.

– Вообще-то, что бы ты ни думала, в городе у оборотней больше свободы.

– Неужели? – изумилась я. Зная, насколько опасно жить в городе, страшно представить, что творится за его пределами.

– Не сомневайся. В кланах, обосновавшихся подальше от городов, царят строгие патриархальные нравы. Заправляют старейшины. Помнишь, я тебе о староверах рассказывала?

– Мели, вы вскользь упомянули, а поподробнее можно? – настояла я.

– Можно, – согласилась она. – Пятьсот лет мы воевали, рвали глотки друг другу, пытаясь осознать, кем стали. Как с этим жить дальше. Нелепо звучит, но для многих принять себя такими, измененными, оказалось сложно. Кроме того, в уничтожении серых люди принимали активное участие, сжигая поселения,

убивая не похожих, иных. Представляешь, какое тогда было время?

Я судорожно сглотнула, кивнув: фантазия у меня богатая.

– Еще бы! В наших школах история того времени входит в обязательную программу. События довольно подробно описываются, правда, несколько с другой стороны…

– Догадываюсь с какой, – хмыкнула Мели. – Серые – звери и убийцы. Поголовно. Да?

Я виновато пожала плечами и попробовала оправдаться:

– Но ведь что-то соответствует учебнику, на себе испытала…

– Ой, – шеф-повар махнула рукой, поправила сползший на лоб белый колпак и, нарезая морковку соломкой, продолжила: – В общем, после образования Стены, жизнь на серых землях начала налаживаться. Формировались кланы, сперва – семейные, общинные, потом – территориальные и видовые. Законы там действовали старые, которые еще до катастрофы были. Так и живут по сей день. Мужики – во главе, а бабы – по хозяйству. Затем, с развитием торговли и увеличением городов, ситуация тоже изменилась. Появились инакомыслящие, всяко-разно, а старейшинам не пришлось по нутру, вот и уводили своих оборотней дальше, в менее освоенные и населенные места.

– И что теперь? – я ловила каждое слово, как на самой интересной лекции.

– Теперь города – оплоты свободы, а поселения староверов – древних устоев. И отсюда следует: прежде чем принимать предложение вступить в клан, сначала выясни – в городской или староверческий, – щелкнули меня по носу.

– А то заставят ходить в холщовых платьях до пят? – улыбнулась я.

– Если бы только, – многозначительно посмотрела на меня хозяйка дома. – Девочек у оборотней рождается мало, самцов – гораздо больше.

– Странно…

– Перенаселения у нас нет из-за слишком высокой смертности. Слабые не выживают. К тому же, звериная натура спокойно жить мешает. В войнах и драках чаще гибнут мужчины, вот природа и берет свое – их больше рождается. Сейчас, конечно, обстановка спокойнее, а девочек все равно мало. У староверов закон: самка обязана принести несколько пометов, таким образом выполнить долг перед родичами. – (Одна терминология чего стоит!) – У кошек в помете бывает до четырех-пяти котят…

– Сколько?! – ошарашенно выдохнула я.

Женщина-перевертыш с пониманием хмыкнула и продолжила:

– Однако выносить и родить несколько раз не каждая сможет, да и согласится ли, но выбора нет.

– А у волков? – моему любопытству не было предела. Страшно интересно.

– У всех псовых то же самое, но не более двух-трех щенков.

– Маловато что-то! – мрачно съехидничала я.

– Потому что щенки рождаются крепче, здоровее, живучее. Котят меньше выживает. Вот и берут количеством… – так же мрачно ответила Мели.

– Потрясающие жизненные перспективы…

Если утром, на «свежую» голову, я задумалась о том, чтобы найти Рогова и признать родство, то сейчас, если бы увидела его, забилась бы в щель поглубже. Выяснять в какой клан он меня определить собирался, совершенно расхотелось. Ну какая родня барсам рысь?..

– Да ладно, все утрясется, – погладила меня по плечу ежиха. – Не принимай близко к сердцу.

– Спасибо, Мели, главное усвоила: замуж выходить лучше за городского волка, – едко резюмировала я, про себя решив лучше не выходить вовсе.

– Тебе выбирать, – снисходительно усмехнулась она. – Только вот о чем подумай: тебе нужна преданность или верность?

– И в чем разница?

– Волки те же псы, преданы тому, кто их кормит, или любит… как собаки. Ты готова разделить их преданность любимому делу… хозяину… клану…

Моя обожаемая «колючка» с улыбкой смотрела на меня, ожидая вопроса, и я ее не подвела:

– А кошки?

– Кошки себе на уме. Всегда. И заботятся лишь о своем благе.

– Тогда почему…

– Зато кошка сама выбирает хозяина и хранит верность до самой смерти ему одному. И неважно, кормят ли ее вкусно, богат ли хозяйский дом… Однажды определившись со своими чувствами, кошка становится самым верным защитником и спутником. Кто ты, откуда и как к ней относишься – дело десятое.

– Ясно, – уныло вздохнула, посчитав себя неправильной кошкой. – Придется мне за своими чувствами следить, а то выберу кого-нибудь непутевого и всю жизнь буду мучиться.

На кухню влетела испуганная, трясущаяся Настя. Округлившимися глазами посмотрев на нас, выпалила:

– Ксения, там к тебе пришли… оборотни… огромные и хищные.

– Мне конец, – придушенно пискнула я.

* * *

В зал я выходила, усилив внутренние щиты, чтобы мой страх не вырвался на свободу. Не торопясь, с высоко поднятой головой и бесстрастным выражением на лице. По крайне мере, очень на это надеялась, ведь старалась же выглядеть достойно своей хищницы.

Занятыми оказались всего два столика у окна: магом, который живет в нашем квартале, работает электриком и столуется у нас по причине холостяцкого положения; с ним по соседству щебетали две кунички – сестры милосердия из больницы, расположенной на соседней улице, частенько забегавшие сюда в зеленых рабочих халатиках.

А вот у витрины меня поджидали три знакомые крупные фигуры.

– Как нашли? – скривившись, словно от зубной боли, тихо рыкнула я от злости на себя в первую очередь. Видимо, где-то проворонила свои следы.

Рогов усмехнулся добродушно, а волк демонстративно обиделся:

– Привет, детка, ты забыла, что мы стражи?..

– Я не…

– …Находить – часть нашей работы.

– О да, по следам прошлись и все, – буркнула я. – Велика ли заслуга?

– Заметать следы я тебя научу, котенок, – снисходительно пообещал Рогов.

– Спасибо, не надо. Сама как-нибудь, – холодно отказалась я.

К моей удаче, своевременно получив от Меланьи информацию, я намеревалась любыми способами отбиться от родства с барсом. Из какого он клана – городского или староверческого – знать не хотела категорически. Серые обманут – недорого возьмут, уже убедилась.

– Что случилось? Зачем вызвали стражей? – вернулся в пекарню куда-то отлучавшийся Меркул.

– Они, по-видимому, не к нам пожаловали, – ехидно заметила Мели, посмотрев на меня с укоризной: дескать, почему не рассказала?

– Я их вчера вечером встретила. Понятия не имею, зачем им понадобилась, – поспешила оправдаться перед ежами, подозрительно и настороженно уставившимися на пришедших. Затем нелюбезно поинтересовалась у стражей: – Что вам от меня надо, господа?

Волки с любопытством посмотрели на барса, у которого в этот момент подрагивала верхняя губа. Будь он сейчас в звериной ипостаси – наверняка бы щерился.

– Котенок, ты должна пойти со мной и…

– Если я кому и должна что-либо, то только милейшим хозяевам пекарни. Конкретно вам, уважаемый, я ничем не обязана. Так что, если вы собирались перекусить – милости просим, а нет – не задерживайте, пожалуйста. Мне работать надо.

– Ты знаешь, что это не так.

Спорить с упертым кошаком было бессмысленно, поэтому я сконцентрировалась и послала стражам направленную волну равнодушия, спокойствия, отрешенности. С целью вызвать у них полнейшее разочарование, погасить интерес ко мне и любое желание стараться ради не понятной лично мне цели. На волков подействовало. Более того, флегматичный страж даже зевнул во весь рот, безучастно посмотрев вокруг. Затем они переключились на еду, выставленную на витрине. А вот на барса я почти не повлияла: только «внешнее напряжение» да раздражение отпустило. Быть может, на самом деле, из-за крови оборотня, попавшей ко мне, ему достался некий «иммунитет» к моей светлой магии?!

Если Рогов расслабился, то я наоборот напряглась.

– Уходи! – уверенно, тихо, чтобы не привлекать еще большего внимания посетителей, потребовала я. – Мне от тебя ничего не нужно. Я на своем месте, с хорошими…

– Послушай меня, – негромко рыкнул барс, подаваясь ко мне всем телом. – Ты для меня сестра по крови, моему зверю этого достаточно, чтобы я приказывал и принимал решения за тебя. В городе не безопасно, разве ты еще не поняла? Не убедилась на собственном опыте?

– Ксения у нас в безопасности! – строго заявила Мели.

– Будете вмешиваться, получите неприятности с законом, – зло прошипел Рогов. – А ты, Ксения, иди собери вещи, если есть, а нет – сразу пошли.

Маска доброго братца слетела с него вмиг, стоило Зотовым встать на пути. Но разве можно подводить ежей, таким «добром» отплатив за приют и заботу? Мне и так неудобно перед ними за лишние хлопоты.

Меркул начал покрываться иглами, собираясь вмешаться. Я уже открыла рот, чтобы попросить барса не впутывать моих друзей в наши «семейные» ссоры, как из-за широких спин оборотней раздался знакомый вкрадчивый баритон, от которого у меня по спине побежал холодок:

– Что на моей территории делают стражи из другого района?

Рогов обернулся, а его спутники мотнули головами, стряхивая эмоциональный морок и возвращаясь в «рабочее» состояние. Перед нами в сопровождении охраны стоял верховой Марк собственной персоной, одетый в красивую, отделанную блекло-золотистой нитью синюю шелковую рубашку и темные брюки. На жилистом запястье поблескивали золотые часы, а на пальце левой руки сиял неприличных размеров бриллиант. Солидный… яркий мужчина.

Барс передернул плечами, сообщая:

– Забираю родственницу в клан!

– Да? – смоляная бровь вампира выгнулась. – Какую именно?

– Ксению.

– Даже так? – выражение его лица не изменилось, но я почувствовала изумление и сильный интерес, и неудовольствие. – Она согласна?

Кроваво-красные глаза уставились на меня в упор.

– Нет, – без сожаления заявила я.

– Мне плевать, Ксения. Ради твоей же безопасности, ты…

– А насколько вы близкие родственники? – ледяным тоном поинтересовался Марк.

– Я ее… брат.

– Барс? И рысь? – выразил сомнение вампир, на которого с каждым новым вопросом я смотрела со все большей благодарностью. – Я ощущаю родство по крови, но не настолько близкое. Так, одна капелька… ну, три.

Рогов замялся, но меня не выдал (прямо как обещал), соврал:

– Двоюродная. Ее мать из рысей…

– Значит, в клан забрать хочешь? – перебил его Марк. – В какой? Из Песочного? Или ты из староверов?

Двое стражей волков, услышав очередной вопрос вампира, напрягались и едва уловимо отступали. А вот охранники кровососы ухмылялись все клыкастей.

– Из староверов, – огрызнулся барс.

– Я уже понял, страж, – мрачно хмыкнул Марк, подходя ближе к нам. Он кивнул на белый плетеный шнурок на шее барса. – Да еще и северных. Далеко же ты забрался, кот. Специально подальше от родного-то клана, да?

– Что ты понимаешь в нашей жизни, вампир? – взвился Рогов.

– А ее хочешь в качестве откупного родичам отдать?! – ледяным тоном перебил его Марк. – Захотел грехи замолить перед вашими мелкими божками, которых вы в побитые молью шкуры обряжаете? Хор-р-рош брат, нечего сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/olga-guseynova/sumerechnyy-mir-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить